

16+

Старицын Виктор

Коммунистическая республика
Камчатка

Новороссия Новосветская

Виктор Старицын

**Коммунистическая
республика Камчатка**

«Автор»

2019

Старицын В. К.

Коммунистическая республика Камчатка / В. К. Старицын — «Автор», 2019 — (Новороссия Новосветская)

Вторая книга трилогии «Минзаг Марти». Книга написана в жанре альтернативной истории. В ночь на 1 июня 1939 года минный заградитель КБФ «Марти», направлявшийся после официального визита в США из Майями в Ленинград посредством неизвестного науке физического явления перенесся ровно на 400 лет в прошлое. Руководитель делегации ВКП(б) старый большевик Круминьш при поддержке майора НКВД Ягодина, опасаясь чрезмерного усиления командира корабля Мещерского, обвиняет его в контрреволюционной деятельности и арестовывает. Моряки отказываются подчиняться путчистам. Ортодоксальные большевики терпят поражение. Экипаж минзага берет под контроль острова Малой Антильской гряды, а затем и большие острова Карибского моря. Затем отбивает нападение испанской Великой Армады. Для ускорения развития промышленности моряки завозят из Европы ремесленников и разрешают им открыть свои частные мастерские. Молодые комсомольцы, недовольные разрешением частной, начинают мятеж под "левацкими" лозунгами.

© Старицын В. К., 2019

© Автор, 2019

Виктор Старицын

Коммунистическая республика Камчатка

1. Набег на Сан-Хуан.

1-го февраля флот республики вышел в набеговую операцию на Сан-Хуан. Этот порт был самым первым и самым крупным портом Испании на всех Антильских островах. Именно в него приходили после трудного перехода через Атлантику караваны из метрополии. И в нем испанцы разгрузили последний караван, пришедший из Испании, перед нападением на Крым. Так что, сейчас в порту скопилось огромное количество товаров, в которых нуждалась республика.

Флот республики выглядел внушительно. Флагман – Марти с двумя стотридцатками, трехдюймовкой, сорокапяткой и четырьмя минометами, галеоны Фрунзе и Сталин, вооруженные трехдюймовками местного производства и минометами, фрегат Ленин и когг Варяг с настоящими трехдюймовками и минометами, каравелла Свердлов с самодельной трехдюймовкой и минометом – всего шесть вымпелов. Отсутствовали ушедшие в Европу Маркс и Энгельс и оставшиеся на каботажной линии Тринидад – Крым Аврора и Киров.

Эскадра шла кильватерной колонной с Марти во главе. Ход пришлось держать по самым тихоходным кораблям – всего 6 узлов. Сильно мешал встречный ветер, балов 5 – 6, разогнавший приличную волну. В итоге, дошли за четверо суток вместо двух. Пройдя вдоль северного берега острова Пуэрто-Рико, в полдень 5-го февраля подошли к городу. Ветер, как по заказу, ночью почти полностью стих. Дымя трубами, эскадра кильватерной колонной прошла вдоль берега на дистанции две мили. Белые с синей полосой, с красной звездой и серпом с молотом флаги РККФ гордо реяли за кормой каждого корабля.

Командование и незанятые члены экипажей рассматривали Сан-Хуан. Командиры изучали фортификационные сооружения противника, а команда просто глазела.

Город был основан испанцами всего тридцать лет назад на небольшом полуострове, отделяющем исключительно удобную глубоководную бухту от Атлантического океана. Сама бухта имела размеры примерно два на четыре километра и соединялась с океаном проливом шириной в полмили в ее западной части. Вытянутый с востока на запад, занятый невысокими холмами полуостров имел длину три километра и ширину примерно километр. С восточной стороны полуостров соединялся с основной сушей узкой и низкой песчаной косой, прикрытой, однако, от океанских волн небольшим соседним островком.

***

За три дня до этого в порт вернулся единственный когг, один из всей Непобедимой армады. Маневрируя при построении кильватерной колонны перед боем, он врезался бушпритом в высокую корму галеона, и вынужден был заняться починкой такелажа. Моряки слышали отдаленную канонаду и многочисленные мощные взрывы, несомненно, взрывы крюйт-камер на кораблях. Отправившись затем вслед ушедшему флоту, когг обнаружил огромное количество плавающих обломков. Подняв нескольких уцелевших моряков, экипаж когга услышал о быстром разгроме флота всего несколькими кораблями пришельцев. Капитан корабля принял решение идти в Сан-Хуан и сообщить о гибели флота.

По прибытии в порт и доклада губернатору капитан и весь экипаж были посажены под арест с целью предотвращения паники. Губернатор Хуан-Карлос направил срочное сообщение вице-королю, а также гонцов в Санто-Доминго и в Гавану с приказом известить все испанские порты о возможном нападении пришельцев. Губернатор приказал собрать в городе всех поселенцев и все воинские подразделения со всего острова Пуэрто-Рико. Он надеялся, что до напа-

дения пришельцев успеет подготовить город к обороне. Враг опередил его. Ничего сделать не успели.

***

Со стороны океана город смотрелся весьма живописно. Практически весь полуостров был уже застроен. На западном мысу полуострова, примыкающем к проливу, виднелась дерево-земляная крепость в форме квадрата. На ее фасах, обращенных к океану и к проливу, в бойницах просматривалось десятка четыре пушек. Над невысокой каменной цитаделью развевался флаг Испании.

На малом полуострове, ограничивающем пролив с запада, виднелась примерно такая же крепость. На океанской стороне в центре полуострова и на его восточном краю, примыкающем к песчаной перемычке, хорошо просматривались две крепости меньшего размера, каждая пушек на двадцать. Поперек песчаной косы испанцы построили дерево-земляную стену с двумя башнями, для защиты от возможных нападений индейцев. На башнях стояли несколько малых полевых пушек.

На основании опроса пленных, а также современных и трофейных карт был заранее составлен подробный план города и бухты. Рассматривая с мостика в стереотрубу город, командир Марти и по совместительству капитан-командор эскадры кап-два Звягинцев, сличал увиденное с планом. Штурмана поработали неплохо. Отличия плана от местности были минимальны.

Вблизи главной крепости на самом высоком холме полуострова возвышался двухэтажный дворец губернатора, выстроенный из белого камня. Вдоль центральной улицы, идущей по гребню холмов, располагались казенные учреждения: губернская управа, городской магистрат, королевская фискальная служба, командование военного флота и армии, полицейпрезидиум, костел. Ближе к берегу, на параллельных улицах стояли дома знати. Все каменные.

На противоположной стороне полуострова, ближе к перемычке, кучно теснились глинобитные мазанки бедноты. Прямо к стене примыкало длинное одноэтажное здание казармы. По информации пленных, в нем квартировало все испанское войско и городская стража. Среднюю часть полуострова занимали дома мастеровых и их мастерские. В основном бревенчатые, хотя кое-где виднелись и каменные.

Население города, по сведениям пленных, составляло около десяти тысяч человек. Всё оно высыпало на улицы и пялилось на проходящие мимо корабли. Действительно, дымящие высокими тонкими трубами, быстро идущие без парусов против ветра корабли, должны были поразить воображение местных. Особенно низкая серая громада Марти.

Дойдя до траверса пролива, эскадра описала правую циркуляцию и малым ходом двинулась в обратном направлении. На траверсе перемычки Марти застопорил ход в полутора милях от берега. Пушки главного калибра развернулись из походного положения на правый борт и нащупали длинными стволами цели. С предварительными ультиматумами и предложениями капитуляции республиканское командование решило не заморачиваться. Враг напал первым и должен был понести заслуженное наказание.

Стотридцатки оглушительно рывкнули и выбросили длинные языки пламени и дыма. Командование решило пожертвовать штатными снарядами, но произвести на местных неизгладимое впечатление. Через секунды на стене рванули фугасы. В клубах дыма и пыли полетели во все стороны обломки бревен, куски лафетов и целые пушечные стволы. Уцелевшие пушки крепости дали ответный залп. Всплески падений встали в полумиле от эскадры. Всего Марти сделал пять залпов. От куртины крепости остались только груды земли и торчащие из них обломки бревен. Никакого шевеления там больше не наблюдалось.

Затем Марти дал ход, развернулся и направился к центральной части полуострова. Ленин, Сталин и Фрунзе подошли к берегу на два кабельтова на траверсе стены, перегораживающей перемычку. Варяг и Свердлов последовали за флагманом.

С борта Ленина, Сталина и Фрунзе по стене часто забили минометы, сметая с нее и с башен защитников. Их трехдюймовки с максимальной скорострельностью принялись разносить по камешкам и бревнышкам казарму. Самодельные фугасы с начинкой из черного пороха были слабоватыми, зато их не приходилось жалеть. Местное население кинулось от стены к центру города. Артогонь прекратился, лишь когда в развалинах казармы прекратилось всякое движение. Стену постарались сохранить в целости. Осколочные мины ее практически не повредили.

Затем артиллеристы задробили стрельбу, а минометчики перенесли огонь на халупы, расположенные поблизости от стены. Глинобитные мазанки разлетались в пыль даже от фугасных мин. Стреляли до тех пор, пока на удалении до ста метров от стены не осталось ни одного мало-мальски целого строения. Отстрелявшись, корабли стали спускать на воду шлюпки, на которые сразу грузился десант туземной гвардии.

Согласно плану операции, десант должен был занять стену на перешейке и воспрепятствовать попыткам прорыва испанцев из города. Десант поддерживал краснофлотский расчет максима под охраной пятерых конвойников с винтовками.

Марти тем временем разнес в пыль крепость в центральной части острова, затем остановился напротив входа в бухту и проделал тоже самое с крепостями, охранявшими пролив. На все про все истратили четыре десятка штатных снарядов и полтора часа времени. Жители города, недавно проводившие в бой крупнейшую во все времена эскадру, по всеобщему мнению способную стереть в порошок любого противника, в ужасе от зрелища мгновенного расстрела всех городских крепостей, попрятались по домам.

Всю дорогу до Сан-Хуана замполиты кораблей не покладая языков накачивали экипажи: краснофлотцев, индейцев и особенно испанцев на беспощадное уничтожение врага. Чтобы предотвратить организованное сопротивление и снизить возможные потери, командование решило уничтожить артогнем все руководство города прямо в административных зданиях и жилых домах. Поэтому, после уничтожения военных объектов и казенных учреждений планировался обстрел домов начальства и аристократов. То есть, по сути, планировалось обстреливать мирное население.

С краснофлотцами особых проблем не ожидалось. Коммунистическая ненависть к эксплуататорским классам привита им еще в школе, в пионерских отрядах, в комсомоле и на службе. С индейцами – тоже. Они от испанцев претерпели много бед и никаких сомнений испытывать не должны были. Да и во время войн между племенами индейцы различий между воинами и гражданскими лицами они не делали. А вот испанские добровольцы могли засомневаться. Поэтому, среди них во всякую свободную минуту замполиты и краснофлотцы – комсомольцы вели плотную партийно-политическую работу. Разъясняли с марксистских позиций подлую эксплуататорскую сущность аристократов, дворянства, духовенства и купеческого сословия. Воспитывали, словом, праведную классовую ненависть к угнетателям.

Уничтожив блокировавшие вход в пролив укрепления, Марти вошел через пролив в бухту и занял позицию в двух кабельтовых от берега на траверсе губернаторского дворца. Свердлов и Варяг проследовали вглубь бухты и заняли позиции для обстрела центральной части полуострова со стороны бухты. У причалов порта обнаружилось полтора десятка шхун. Из более-менее крупных кораблей присутствовал один когг на двести тонн и каравелла на полтора ста. На стапелях верфи в разной степени готовности стояли еще четыре каравеллы.

К этому времени Ленин, Сталин и Фрунзе закончили высадку десанта. Ленин остался у перешейка, чтобы в случае чего, поддержать десант огнем. Фрунзе занял позицию напротив центральной части города, а Сталин – на траверсе дворца губернатора со стороны океана. Таким образом, в городе не осталось ни одного уголка, не простреливаемого артиллерией «камчатцев». Даже складки местности между холмами легко простреливались из минометов.

В 16-20 Звягинцев по радио циркулярно приказал всем кораблям начать выполнять основную часть плана. Приказ был записан радистами и зачитан экипажам:

«В ответ на подлое нападение испанской эскадры на мирный горд Ленинград, приказываю обрушиться на врага со всей пролетарской ненавистью, всей мощью флота республики! Мы несем избавление от гнета феодалов и колонизаторов испанскому и индейскому пролетариату и трудовому крестьянству. Мы возьмем реванш за поражение испанского пролетариата в гражданской войне! Подлежат безусловному уничтожению все представители испанских правящих классов. Такова беспощадная логика классовой борьбы, завещанной нам Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным! Именно так действовала Рабоче-крестьянская Красная армия в славные времена гражданской войны! Приказываю всем кораблям открыть огонь по моему сигналу – красной ракете.»

Цели каждому орудию и миномету были заранее детально расписаны с указанием координат и расхода снарядов. Над Марти взлетела красная ракета. Все трехдюймовки и минометы эскадры одновременно открыли огонь. Уничтожению подвергались все административные здания и все жилые дома начальства. Задачей обстрела было уничтожение всего руководящего состава колонии. Командование намеревалось свести потери личного состава к минимальному минимуму.

Снаряды легко пробивали стены домов, построенных из мягкого белого песчаника, и взрывались внутри. Фугасные мины пробивали черепичные крыши. Хотя начинка снарядов и мин из черного пороха была слабоватой, от разрывов с домов сносило крыши, вылетали двери и окна, вверх поползли дымы разгоравшихся пожаров.

Обстрелу не подвергались только мастерские, склады, портовые сооружения, верфи, дома ремесленников и бедноты. Не обстреливался также костел. Командование опасалось разбудить религиозный фанатизм испанцев. Канонада гремела два часа. Вся западная часть города превратились в дымящиеся руины.

И тем не менее, противник нашел в себе силы для попытки прорыва. Уже на закате, до трех сотен солдат, накопившись в мазанках бедноты, попыталась рывком ворваться на стену. «Максим» дал по атакующим одну длинную очередь. Уцелевших расстреляли из луков туземцы. Несколько особо удачливых испанцев, сумевших взобраться на поврежденную в одном месте стену, гвардейцы приняли на шпаги. Попыток организованного сопротивления больше не было.

Солнце зашло за горизонт, и как всегда бывает в тропиках, мгновенно стемнело. Боевые действия прекратились. На стене десантники зажгли керосиновые прожектора Друммондова света. С моря по берегу шарили прожектора кораблей, отбивая у местных всякие мысли о бегстве на лодках через бухту. Подсвеченный многочисленными пожарами город в ужасе затих. Пожары никто не тушил. Быстрые, эффективные и безжалостные действия небывалого ранее противника подавили волю к сопротивлению. Невиданные еще в этом мире узкие сфокусированные лучи прожекторов, отчетливо заметные в окутавшем город и бухту дыму пожарами, казались отчаявшимся местным жителям светящимися мечами архангелов. Или мечами сатаны.

С рассветом Марти включил на всю мощность внешнюю громкоговорящую связь и дважды обошел вокруг города, голосом краснофлотца Подригина донося до ушей жителей приказ Республики:

«В ответ на нападение флота королевства Испании на мирный город республики Камчатка, Верховный Совет республики Камчатка объявляет войну королевству Испания. Напавший на республику флот Испании полностью потоплен. Все военные силы Испании в Вест-Индии будут уничтожены. Сопротивление войскам республики бесполезно. Всякий, кто оказывает вооруженное сопротивление, будет убит на месте.»

Командование флота Республики Камчатка приказывает всем жителям города Сан-Хуан прекратить сопротивление и сложить оружие. До полудня сего дня все солдаты и жители города обязаны отнести все имеющееся оружие на плац перед разрушенной казармой и сложить его там. Жителям, сдавшим оружие, приказываем вывесить над входами в дома белые флаги. Всем жителям приказываем оставаться в своих домах. Всем солдатам и морякам приказываем собраться в костеле. После полудня войска республики войдут в город. Всякий, кто будет замечен с оружием в руках после полудня, будет убит на месте, а его дом – разрушен.

Командование гарантирует всем сдавшим оружие солдатам, морякам и жителям города сохранение жизни и имущества. Никакого насилия по отношению к сдавшим оружие чиниться не будет.»

Усиленный мощными громкоговорителями голос краснофлотца Подригина казался местным гласом бога.

Замполиты весь переход работали с туземными гвардейцами, вколачивая им в головы, что войска республики мирное население не обижают, не грабят, не насилуют женщин и девушек. Для индейцев это были весьма трудно усваиваемые новации. В их собственных войнах между племенами все имущество и женщины побежденных доставалось победителям без каких либо ограничений.

Звягинцев издал специальный приказ, о том, что гвардейцы, замеченные в грабежах и насилиях, будут лишены подданства республики, уволены из гвардии, лишены оружия и с позором отправлены обратно в племена, как нарушившие присягу, без права повторного приема на службу. Угроза лишения железного оружия и доспехов произвела на туземцев должное впечатление. С позором возвращаться в племя никто из воинов не хотел. Командование надеялось, что воины смогут удержаться от грабежей и насилия.

По улицам уцелевшей центральной и восточной части города потянулись цепочки жителей, тащивших оружие к бывшей казарме. К полудню на плацу выросла изрядная груда железа. Пожары уже стихли.

После полудня гвардейцы повзводно приступили к прочесыванию домов. С каждым взводом следовали краснофлотец. Войдя в дом, он с помощью комвзвода – испанца опрашивал хозяина и записывал с его слов фамилию, род занятий, состав семьи. Отдельные взводы обследовали склады и мастерские, описывая их содержимое. Сопротивления нигде оказано не было. Местные были полностью деморализованы. Включая немногих уцелевших дворян. К концу дня перепись населения и трофейного имущества была закончена. Военнопленных заперли в костеле. Ночью улицы города патрулировали гвардейцы.

Следующие три дня город вдумчиво и методично грабили. Первым делом военнопленных заставили захоронить всех мертвецов, во избежание эпидемий. Лечением раненых испанцев не озадачивались, возложив это дело на местные силы. Отдельным сомневающимся краснофлотцам замполиты задавали простой вопрос: «А если бы испанцы захватили Крым, стали бы они лечить наших раненых?» Ответ был очевиден. У всех в памяти еще свежи были зверские расправы франкистов над захваченными в плен ранеными республиканцами во время испанской гражданской войны.

Пленные матросы и гражданские лица мужского пола под руководством мартийцев грузили трофеи на вставшие к причалам корабли. Весь местный гужевого транспорт был мобилизован.

Глубина бухты позволила поставить к причалу даже Марти. Загружали трофейные когги и каравеллу, а также еще одну каравеллу, полностью готовый корпус которой обнаружился на верфи. Грузили со складов ткани, выделанные кожи, стекло, посуду, цемент, порох, красители, соль, стройматериалы, оружие, пушки, металлы и металлические инструменты. Обнаруженные в разрушенных домах аристократов и административных зданиях деньги и ценности тоже не оставили бесхозными.

Всем мастерам – ремесленникам и их подмастерьям объявили постановление Верховного Совета республики: поскольку их продукцией снабжалась напавшая на республику эскадра, то все они объявляются военнопленными и подлежат вывозу в республику со всем оборудованием их мастерских. В виде особой милости со стороны Верховного Совета им дозволялось взять с собой семьи. В республике мастерам обещали предоставить жилье, питание и работу по специальности. Отправлению религиозных обрядов обещали не чинить препятствий. После окончания войны всех обещали отпустить. Что интересно, все без исключения мастерские решили взять своих чад и домочадцев с собой.

Правительство республики намеревалось, прежде всего, подорвать производственную базу Новой Испании. Подсобных рабочих решили не брать. Пленных испанцев: солдат и матросов с кораблей и так было предостаточно.

Замполиты ходили по домам, в которых семьи остались без кормильцев. Таких было много. Артиллеристы не зря израсходовали боезапас. Молодых вдов уговаривали переселяться в Крым. Обещали райские кущи и новых мужей. Про принятое в республике многоженство дипломатично умалчивали. Многие вдовы соглашались. Детей то надо было кормить.

10-го февраля эскадра двинулась в обратный путь. Марти вел на буксире трофейный когг. Ленин и Свердлов, имевшие относительно большую энерговооруженность, буксировали каждый по каравелле. Все корабли были забиты под завязку. Полные трюмы полезных грузов. На батареинных палубах – тоже грузы и толпы людей. Мастера и подмастерья с семьями – всего примерно 1200 человек, из них 158 мастеров и подмастерьев, военнопленные – 1370 душ, 265 молодых вдов, и при них с полтысячи детей.

За кормой выходящей из гавани эскадры снова густо дымили пожары. Перед отходом победители подожгли все склады, на которых оставалась еще масса товаров, все верфи, все корабли и все портовые сооружения. Нефти на растопку не пожалели. Так что, потушить все это было вряд ли возможно. Крупнейший испанский порт на Антильских островах был полностью уничтожен. Население города сократилось вдвое. Производственная база колонии подорвана. Испанский руководящий состав подчистую истреблен. Операция увенчалась полным успехом.

2. Мятеж.

Конвой довел Сокольского до ворот крепости, оставшихся приоткрытыми после вывода других арестованных, и бочком протиснулся между тяжелыми створками. Вслед за замыкающим конвой Замилацким через ворота начали протискиваться краснофлотцы. В ярком свете ламп в полусотне метров напротив ворот обнаружился броневик.

На подножке за приоткрытой дверцей броневика стоял конвойник с рупором в руках. Жестью рупора загромыхал его голос:

– Приказом наркома НКВД на острове введен комендантский час. До восхода солнца всем гражданам республики запрещено покидать пределы жилых зон.

Моряки узнали голос лейтенанта конвойного взвода Стешина. Его все мартийки знали. Неплохой, сущности, парень. Глухо заворчав, краснофлотцы двинулись вперед. Заплясал огонек на дуле максима, треснула короткая очередь. Пули просвистели над головами, впиваясь в бревна частокола. Народ в изумлении остановился.

– В случае неподчинения приказу наркома имею приказ стрелять на поражение! Приказываю немедленно вернуться в крепость! – снова загремел голос Стешина.

Уже накопившаяся перед воротами толпа загудела и снова качнулась вперед. Опять простучал максим. На этот раз пули взбили пыль с утоптанного плаца прямо перед моряками.

– Следующая очередь будет на поражение! – Прохрипел жестью рупор.

– Братва! Отходим! А то и вправду всех постреляют! – Прогудел над толпой бас боцмана Шнурко, оказавшегося в первом ряду мартийцев. Недовольно гудя, краснофлотцы попятились в крепость.

За воротами уже собрался весь экипаж. Услышав выстрелы, мартийцы сбежались к воротам. Слов Стешина никто из оставшихся в крепости не разобрал, всё заглушил вещающий через репродукторы Круминыш, в который уже раз повторяющий свою речь.

– Братва! Там за воротами броневик с пулеметом! Конвойники всех пострелять грозятся, кто из крепости до восхода выйдет! – проинформировал собравшуюся толпу кто-то из вернувшихся из-за ворот.

– Да что же это творится, братцы? – Вопросил другой голос. – По своим же стреляют, суки конвойные! Толпа грозно зашумела. Отдельных слов было уже не разобрать. Возмущенно гомонили все. Многие порывались двинуться за ворота.

– А ну, всем стоять на месте и не дергаться! – снова рявкнул Шнурко. – Братва! Не будем пороть горячку и лезть с голыми руками на пулемет! Наши двустволки броню не пробьют! Броневик только гранатами можно взять, а они в оружейке. Пошли посоветуемся, да и командиров надо бы послушать. А то какая то мутная ситуация получается. Айда за мной!

Шнурко прошагал сквозь толпу к центру жилого блока крепости на игровую площадку. Краснофлотцы потянулись за ним. Голос Генсека наконец умолк. На площадке боцман влез на доминошный стол и спросил:

– Товарищи краснофлотцы! Давайте попусту глотку драть и разводить анархию не будем! Кто желает высказаться по существу дела?

Из толпы вышел боцман Влазнев и взгромоздился на стол рядом со Шнурко. Маленький кряжистый Шнурко и длинный сутулый Влазнев вместе смотрелись как популярные клоуны Пат и Паташон, но никто не засмеялся.

– Вот что я вам скажу, товарищи краснофлотцы! – Начал Влазнев. – Мы все уже долго служим под командой каперанга Мещерского и его хорошо знаем. А лично я, так под командой Николая Иосифовича до назначения на Марти еще пять лет в учебном экипаже служил. Что-то мне не верится, что капитан первого ранга Мещерский будет контрреволюцию разводить и заговоры устраивать. Да и стармеха нашего товарища Вострикова и командира БЧ-2 товарища Сокольского мы хорошо знаем, а они тоже в заговорщики попали. – Толпа одобрительно загудела.

– А вот товарища Круминыша мы знаем мало. Что он за товарищ, нам не известно. Может, он нам и не товарищ вовсе? Заговор – это дело коллективное. Заговорщиков должно быть много. А вот скажите, товарищи краснофлотцы и товарищи командиры, кто-нибудь из вас про заговор что-нибудь слышал? – Боцман сделал длинную паузу. Моряки переглядывались. Никто не откликнулся. Из толпы послышались возгласы:

– Не было никакого заговора! Вранье всё! Поклеп на Мещерского возвели. Хотят НКВДшники нам здесь 37-й год устроить!

– Вот и я так думаю. Надо решить, что делать дальше. Но, анархию мы разводить не будем, небось, теперь не 18-й год! Давайте послушаем наших командиров. Старший по званию у нас здесь, как я понимаю, командир сменного экипажа Марти капитан второго ранга товарищ Веденев. Сергей Семеныч, прошу на трибуну.

В это время Генсек, прочитав свою речь раз пять или шесть, приказал связисту выключить трансляцию и вышел из радиорубки на крыльцо. Поскольку радиорубка имела хорошую звукоизоляцию, очередей максима Круминыш не услышал. Зато услышал всю речь Влазнева. Поняв, что дело пахнет жареным, Валдис Леонардович бочком – бочком, вдоль стеночки жилого блока дошел до частокола, вдоль него прошел к воротам крепости и выскользнул в них. Никто из мартийцев на этот маневр внимания не обратил. Все слушали ораторов. За воротами

Генсек рысцой подбежал к броневнику, взял из его экипажа одного бойца – конвойника с винтовкой для охраны собственной персоны и быстрым шагом двинулся к штабу НКВД.

Кап-два Веденев влез на стол, оба боцмана, наоборот, с него спрыгнули, давая понять краснофлотцам, что дисциплину в экипаже никто не отменял.

Веденев сразу взял быка за рога.

– Такой толпой мы быстро ничего не решим. А время дорого. Наши товарищи арестованы. Один из них ранен. Предлагаю всем командирам, всем членам выборных органов республики и всем наркомам пройти в помещение ГКП. Там будем решать, что делать. А вы, товарищи краснофлотцы, помитингуйте тут. Как примете решение, сообщите его нам в ГКП. Вас, Никита Фадеич, – обратился он к Шнурко, – попрошу остаться здесь с краснофлотцами. Вы, как член Верховного Совета, будете вести митинг личного состава Марти.

Веденев спрыгнул со стола и двинулся к штабу.

В помещении ГКП набилось человек тридцать. Все расположились стоя вокруг стола с большой картой Антильских островов.

– Прежде всего, кое-что нужно прояснить, – начал Веденев. – В речи Генсека мы все слышали, что арест заговорщиков одобрен Политбюро. Прошу присутствующих членов Политбюро сообщить, что они знают по этому поводу.

Влазнев, Болотников, Зильберман и Жердев поочередно доложили, что на Политбюро вопрос не рассматривался.

– Делаем вывод: из шести членов Политбюро четверо ничего не знают, а один арестован как заговорщик. Следовательно, решение принимал лично Генеральный секретарь, без обсуждения с членами Политбюро. Значит, про решение Политбюро товарищ Круминьш нам все соврал! – Все возмущенно зашумели.

– Идем дальше. По словам Круминьша, ордер на арест выдал Верховный суд республики. У нас тут должен быть один член Верховного суда.

– Здесь я, товарищ капитан третьего ранга, отозвался краснофлотец Тараторкин.

– Обсуждал ли Верховный суд выдачу ордера?

– Если и обсуждал, то меня на обсуждение не пригласили.

– Значит, решение принимали вдвоем Замилацкий и Вепринцев, в тайне. Следовательно, и решение Верховного суда не законно, – сделал вывод Веденев. – А раз так, то что мы имеем в сухом остатке?

Мы имеем мятеж Генерального секретаря, председателя Верховного суда и наркома НКВД против законно избранных органов власти республики – Верховного Совета и Совета народных комиссаров.

Здесь присутствуют пятеро членов Верховного совета из восьми. Сокольский арестован, Шнурко ведет митинг. Ставлю на голосование Верховного Совета вопрос о признании действий Генсека, наркома НКВД и председателя Верховного суда вооруженным мятежом. Прошу членов Верховного совета голосовать.

«За» проголосовали Мякишев, Быстрицкий, Панин и сам Веденев. Профсоюзник Дохнов воздержался. Тараторкина послали спросить мнение Шнурко. Тот заочно проголосовал «за».

– Верховный совет республики решение принял пятью голосами при одном воздержавшемся. Имеет место вооруженный мятеж против республики, – заключил Веденев.

Затем быстро проголосовали за введение на острове военного положения, снятие Ягодина с поста наркома внутренних дел и назначение Веденева исполняющим обязанности Главнокомандующего вооруженными силами республики.

После этого, державшийся у стеночки за спинами собравшихся, нарком острова Крым, он же замполит Марти, товарищ Лифшиц попытался незаметно выскользнуть из помещения ГКП. Он то, как раз, про «заговор» все знал, но, учитывая сложившиеся обстоятельства, предпочел на эту тему не распространяться. Веденев маневр Лифшица заметил, и тормознул его:

– А вы куда, товарищ Лифшиц? Сейчас будет заседать Совнарком, и вы как его член обязаны присутствовать! Лифшиц нехотя вернулся к столу.

В ГКП вошел боцман Шнурко и объявил, что краснофлотцы на митинге постановили объявить недоверие Генсеку, наркому НКВД и Председателю суда. Митинг постановил отстранить их от занимаемых должностей. Краснофлотцы ждут решения командования.

Новый Главком послал Панина и Шнурко объявить краснофлотцам только что принятые решения Верховного совета и объявить в гарнизоне боевую готовность №1.

– Нас здесь около 180 человек, у каждого пистолет, или двустволка, или обрез, – продолжил Главком. – У НКВД в подчинении броневик с пулеметом, десяток бойцов с винтовками, полторы сотни конных и около двух сотен пеших туземцев с холодным оружием и луками. То есть, силы примерно равные. Это по стрелковому оружию. Есть еще береговая артиллерия. Там все расчеты орудий из наших.

Старший лейтенант Коровалов, доложите возможности береговой артиллерии по береговым объектам.

Командир береговой артиллерии старлей Коровалов протиснулся к столу.

– Стотридцатка и миномет на западной артпозиции имеет возможность обстреливать нашу жилую зону, спецзавод, химическую лабораторию. По этим же объектам могут работать минометы с береговых артпозиций на мысах западной бухты. Стотридцатка и миномет с восточной артпозиции контролируют туземный поселок, лагеря НКВД, общий и кирпичный заводы. Эти же объекты накрывают минометы с артпозиций на мысах восточной бухты. С других артпозиций береговые объекты не простреливаются.

– Из этого следует очевидный вывод: тот, кто владеет артиллерией, и победит, в случае вооруженного столкновения. Ситуацию мы прояснили, начинаем действовать!

Капитан-лейтенант Жердев!

– Я! – Отозвался нарком науки и образования, он же командир минной БЧ.

– Назначаю вас временно исполняющим обязанности командира сменного экипажа Марти.

– Есть!

Старший лейтенант Жмуров! – Главком обратился к старпому сменного экипажа. – Садитесь за стол и пишите приказы.

Приказ №1 – о назначении Жердева.

Приказ №2 – Сменному экипажу Марти приказываю:

Первое – взять под контроль периметр крепости. Туземную охрану снять с постов, разоружить и поместить на гауптвахту. Второе – взять под контроль радиорубку, радиоузел, телефонный коммутатор, оружейку. Третье – собрать все лестницы и оборудовать выход через частокол с тыльной стороны крепости напротив ворот. Четвертое – провести разведку за частоколом, проверить, не выставил ли Ягодин туземное оцепление вокруг крепости. С туземцами обходиться мирно, действовать только методом убеждения. Разъяснить им ситуацию. Об исполнении доложить! Выполняйте!

– Есть! – Ответил каплей, развернулся и строевым шагом двинулся к выходу, своим видом демонстрируя собравшимся, что смута закончилась, снова началась служба.

– Приказ №3. Лейтенант Мякишев! – продолжил командовать Веденев. – Со сменным экипажем Ленина возьмете под контроль восточную артпозицию. Подойдите к Жердеву, для усиления возьмите десять человек из сменного экипажа Марти. Зайдите в жилую зону туземных сменных экипажей, прихватите с собой своих туземцев. С ними вы уже прошли боевое слаживание. В случае чего, их луки и сабли лишними не будут. В оружейке получите по 50 патронов и по две гранаты на краснофлотца. Выход из лагеря по моей команде. Идите готовьтесь.

– Есть!

На западную артпозицию Главком направил сменный экипаж Варяга. На береговые батареи западной бухты – экипажи Авроры и Кирова. На батареи восточной бухты – экипажи Чапаева и Фрунзе. На подготовку к выходу выделил полчаса.

Вернувшийся Жердев доложил, что туземное оцепление вокруг крепости отсутствует. По телефонам удалось установить, что на все артпозиции прибыли по два отделения туземной охраны под командованием бойца – конвойника, якобы для усиления обороны. Конвойники сообщили артиллеристам о введении комендантского часа и об аресте заговорщиков. Разоружать артиллеристов не пытались. Сменный командир БЧ-4 лейтенант Соколов сумел, не потревожив конвойников, сообщить артиллеристам о мятеже и решениях Верховного Совета. Все телефоны в НКВД, в лагерях военнопленных и в туземной деревне Соколов отключил.

В 05-10 экипажи получили команду выступать. Выдвинуться на исходные все должны были еще в темноте. Захват всех артпозиций должен был начаться одновременно, на рассвете, в 06-00.

Пообщавшись со снятыми с постов туземцами из охраны, Жердев выяснил, что им при заступлении на дежурство довели приказ наркома об аресте заговорщиков и приказали усилить бдительность. Других указаний они не получали. Предложил Веденеву провести среди туземных охранников разъяснительную работу и направить их в туземную деревню для агитации против мятежников. Главком санкционировал.

Броневики все также торчали против ворот крепости. Сменные экипажи через тыловую стену из крепости вышли беспрепятственно. Краснофлотцы, поставленные охранять коммутатор, привели в ГКП под конвоем наркома Лифшица, требовавшего от них соединить его с наркомом внутренних дел, вопреки приказу Жердева об отключении всех телефонов НКВД. Главком приказал посадить Лифшица на гауптвахту до прояснения обстановки.

Около половины пятого утра Генеральный секретарь добрался до штаба НКВД. Вспотел. Пришлось всю дорогу, два с лишним километра бежать трусцой. Жаркой тропической ночью грузному Валдису Леонардовичу пришлось нелегко.

– Марк Львович! Беда! – первое, что он с порога выкрикнул Ягодину. – Матросики митингуют! Не хотят, сволочи, признавать наши решения! Я с трудом сумел выскользнуть из крепости. Они уже пытались выйти из ворот, но их пуганули из пулемета. Все по вашей вине! Вы не смогли без шума провести аресты!

– Да, мы лопухнулись. Замилацкий оказался слабаком. Надо было мне самому идти на арест Сокольского. Тот, напротив, оказался слишком притким. Ну да ничего, все артпозиции под нашим контролем. Вся их верхушка у нас в руках. Выход из крепости под контролем броневика. Пусть матросики помитингуют до утра. На рассвете окружим крепость, и бабахнем по ней пару раз из пушек. Тут у матросиков весь пыл и пропадет. А сейчас я направлю к крепости конную разведку. А то у них кто-то хитрый догадался наши телефоны отключить. Потому Лифшиц ничего доложить не может. Как только рассвет забрезжит, выступаем всеми силами. На артпозиции отправим посыльных, чтобы по сигналу приготовились открыть огонь по крепости.

Генсек и нарком в нудел крупно просчитались. Они не учли, что за полгода, проведенных в новом мире, психология мартищев коренным образом изменилась. Моряки уже привыкли во всем полагаться только на себя. Непререкаемых авторитетов: Ленина, Сталина, партии большевиков в новом мире не стало. Все «табу», внушенные каждому жестокой советской действительностью, ослабли. Зато окрепло чувство «локтя»: «Один за всех и все за одного», против всего остального мира.

Отряд Мякишева в ночной тьме, не зажигая ручных фонарей, выдвинулся по дороге к западной артпозиции и затаился в лесу. Все деревья и кустарники в радиусе двухсот метров вокруг макушки холма, на котором размещалась батарея из стотридцатки и миномета, вырубили при постройке батареи, поэтому подойти ближе было невозможно.

Отряд рассредоточился по опушке вырубki справа и слева от дороги. Одну треть отряда Мякишев направил на противоположную сторону холма, чтобы зайти на арtpозицию с тыла.

В шесть часов утра уже вполне рассвело, хотя солнце еще не вынырнуло из моря. По отданной вполголоса команде лейтенанта, краснофлотцы и туземцы цепью вышли из леса и шагом тихо двинулись к вершине холма. Прошли уже четверть вырубki, когда наверху засуетились. Раздались команды и вскоре перед батареей выстроилась цепь индейцев. Индейцы нацелили луки в поднимающихся. Выступивший из ряда туземцев вперед боец – конвойник, в котором мартиЙцы узнали комода старшего сержанта Нечипоренко, закричал:

– Приказываю всем стоять! Ни с места! Имею приказ наркома товарища Ягодина открыть огонь на поражение! – такие действия конвойника вполне соответствовали заранее намеченному плану.

– Экипаж, стой! – скомандовал Мякишев и вышел на пару шагов вперед, привлекая к себе внимание, – Нечипоренко, сообщаю тебе, что Верховный Совет республики снял Ягодина с должности и объявил его действия вооруженным мятежом. И вы товарищи индейцы, слушайте тоже. Главкомандующий вооруженными силами республики капитан второго ранга Веденев приказывает вам сложить оружие. Кто не подчинится приказу Главкомандующего пойдет под суд вместе с Ягодиным, как мятежник.

– А мне ваш Веденев не начальник, я выполняю только приказы наркома НКВД товарища Ягодина! – пошел на принцип упертый хохол Нечипоренко.

– У тебя одна винтовка и два десятка луков, у нас два десятка двустволок и два десятка луков, так что ничего тебе не светит! Сдавайся!

– Эй! Нечипоренко! – раздался крик со стороны батареи.

Нечипоренко и туземцы – охранники закрутили головами, оглядываясь. Над бруствером на фоне светлеющего неба замаячили головы артиллеристов и посланной в обход команды.

– У нас здесь еще десять двустволок и пятнадцать луков! – Закричал сверху командир батареи мамлей Опанасенко. – Бросай оружие, не то утыкаем стрелами, как ёжика! И вы, товарищи араваки, тоже кладите луки на землю!

Индейцы – охранники, осознав ситуацию, начали поодиночке опускать свои луки и класть их на землю.

И тут Нечипоренко переключило. С криком:

– Коммунисты не сдаются! – он вскинул винтовку к плечу и дал короткую очередь по цепи краснофлотцев. Через долю секунды снизу грохнул ответный залп. Все туземцы побросали луки. Всё было кончено. Пробитый десятком пуль Нечипоренко умер мгновенно. В цепи конвойников упали четверо туземцев, не успевших вовремя опустить луки. Двое были убиты, двое ранены.

Очередь, сделанная навскидку конвойником, оказалась точной. Стрелять покойник умел. У краснофлотцев погиб старшина Демидович. Мякишев и еще один краснофлотец получили легкие ранения.

На этом захват арtpозиции успешно завершился. Опанасенко тут же связался с ГКП и доложил итоги боя. По приказу командования артиллеристы изготовили орудие и миномет к стрельбе, присланные краснофлотцы и индейцы приготовились оборонять периметр батареи. Санинструктор оказал помощь раненым. Разоруженных конвойников заперли в жилом блиндаже. Мякишев приказал выставить дозор на дороге.

Не успел дозор замаскироваться, как показались двое конных индейцев. Их пропустили на батарею. Приняли к сведению приказ Ягодина об открытии огня по крепости по сигналу – двойной красной ракете. Индейцев повязали, о полученном приказе доложили командованию.

На всех других арtpозициях обошлось без выстрелов. Таких упертых, как Нечипоренко, там не нашлось.

В это же время полторы туземных конных сотни окружили крепость по периметру вырубки. Взошло солнце, осветив крепость и полукилометровую вырубку вокруг нее. На башнях крепости заняли позиции около полусотни краснофлотцев с ружьями, обрезам и гранатами. Минут через пятнадцать к вырубке подошли два взвода пеших туземцев под командой Ягодина и Круминьша. Тут же присутствовал и командир туземной охраны лейтенант Спиридонов.

Начальство мятежников подошло к броневика, по прежнему занимающему позицию против ворот крепости. Наблюдавший за ними с надвратной башни в бинокль Веденев видел, как Круминьш с Ягодиным что-то обсуждают, энергично жестикулируя.

– Товарищ кавторанг! Видите, все начальство мятежников стоит кучкой около броневика! Один снаряд – и нет у мятежников начальства. И нет мятежа. – Обратился к Главкомандующему артиллерист Коровалов. – Они уже одного нашего убили и троих ранили. Имеем полное моральное право!

Веденев взял телефонную трубку и приказал телефонисту дать связь с западной артпозицией.

– Опанасенко! Видишь троих рядом с броневиком?

– Так точно! В прицел вижу как на ладони! До них чуть больше полумили. Дистанция прямого выстрела.

– Наводись по ним. Снаряд фугасный. Только возьми чуть в сторону, чтобы броневик не повредить. Он нам еще пригодится. Огонь по моей команде.

Некоторое время ничего не происходило. Затем Круминьш с Ягодиным перестали жестикулировать. Спиридонов вытащил из кобуры ракетницу и дал вверх две красных ракеты.

– Ну вот! Они нам сами приказывают открыть огонь, – прокомментировал Веденев и скомандовал в трубку:

– Огонь!

Огромный куст разрыва снаряда главного калибра вырос метрах в трех от стоящей троицы и метрах в пяти от броневика. Фигурки исчезли. Броневик повалило на бок.

Веденев спустился с башни и пошел в радиоузел. Как и всего несколько часов назад, над крепостью снова зазвучал усиленный всеми репродукторами голос:

– Вооруженный мятеж изменников Круминьша и Ягодина против законных органов власти республики подавлен. Вожди заговорщиков уничтожены. Верховный Совет республики приказывает всем бойцам конвойных подразделений немедленно вернуться в казарму и сдать оружие в оружейные комнаты. Будет назначено новое руководство наркомата внутренних дел.

Через несколько минут сначала поодиночке, а затем и группами, пешие и конные охранники двинулись с вырубки по дороге к казармам НКВД.

Безумная ночь подошла к концу. Веденев приказал Жердеву взять двадцать краснофлотцев, две повозки, врача Пимочкина и выдвигаться к лагерю НКВД выручать арестованное руководство республики.

3. Восстановление социалистической законности и правопорядка.

По приказу и. о. Главкома наркомы Васюнин и Болотников с группой краснофлотцев выдвинулись из крепости к опрокинутому разрывом снаряда броневика. Васюнин осмотрел тела Круминьша, Ягодина и Спиридонова. Констатировал смерть всех троих. Ударная волна впечатала их в борт броневика и причинила травмы, несовместимые с жизнью. Левую дверь кабины, оказавшуюся сверху, разрывом заклинило.

Болотников пригнал транспортный трактор и с его помощью поставил броневик на колеса. Из него извлекли конвойников мамлея Стешина и бойца Бутова в бессознательном состоянии. Обоих взрывом приложило о внутренний борт и контузило. Васюнин отправил их

в медсанчасть. Болотников осмотрел броневик. Корпус и ходовая часть почти не пострадали. Двигатель требовал ремонта. От сотрясения полопались трубопроводы.

С артпозиции доставили двоих раненых краснофлотцев и двоих туземцев. Васюнин направился в госпиталь, вызвал весь медперсонал и занялся обработкой ранбольных.

Вскоре вернулись из лагеря НКВД повозки с бывшими арестованными. Освобождение их с гауптвахты прошло без осложнений. Сокольский сразу попал на операционный стол. Оперировал лично наркомздрав.

Мещерский и Востриков развернули бурную деятельность. По радио объявили об отмене чрезвычайного положения. Гражданам и гражданкам предписали приступить к работам по обычному распорядку.

Сразу же созданный Востриковым Верховный Совет признал произошедшие события попыткой вооруженного государственного переворота. Арестованных в лагере НКВД верховных судей Замилацкого и Вепринцева посадили на гарнизонную «губу» в камеры по одиночке, в компанию к уже сидевшему там наркому Лифшицу. Единственному оставшемуся на свободе члену Верховного суда республики краснофлотцу Тараторкину выделили в помощь писаря и поручили проведение допросов арестованных в рамках следствия по делу о попытке государственного переворота.

Исполняющим обязанности наркома ввудел назначили хорошо проявившего себя при подавлении мятежа боцмана Шнурко. Временно исполняющим обязанности начальника конвойных войск назначили артиллериста старшину Дремова. Поручили им обоим взять под свое командование все туземные конвойные подразделения и все лагеря военнопленных. Работы для военнопленных на текущий день отменили. Впрочем, такое распоряжение ранее дал ныне покойный мятежник Ягодин.

ВРИО командующего сухопутными войсками на время лечения Сокольского назначили командира береговой артиллерии старлея Коровалова, тем более, что, за исключением артиллеристов, других войск в гарнизоне и не осталось, все ушли в набег на Сан-Хуан.

Во избежание подобных инцидентов в будущем, туземные конную конвойную полусотню и пограничную конную сотню решили вывести из подчинения НКВД и создать из них отдельные пограничные войска, подчиненные непосредственно Предсовнаркома. ВРИО начальника погранвойск назначили старшину Тихомирова.

Кадровый дефицит в республике давно встал во весь рост. Почти все командиры из экипажа Марти были давно задействованы на разных должностях республики. Приходилось выдвигать на высокие командные посты младший комсостав корабля. Из командного состава конвойного полувзвода двое командиров были убиты при подавлении мятежа, один контужен. Из младших командиров один убит, второй находился на борту ушедшего в Европу Маркса.

Радисты принесли принятую еще ночью радиограмму от возвращающихся из Европы Маркса и Энгельса. Связь с ними наконец стала устойчивой. В радиограмме Коновалов сообщал, что экспедиция успешно выполнила все поставленные задачи. Корабли находятся на подходе в шестистах милях от Крыма. Просил подготовиться к приему четырех сотен вольнонаемных ремесленников с семьями.

Звягинцев с борта Марти по радио донес, что захват Сан-Хуана произведен без потерь. Все вооруженные силы противника в городе уничтожены. Начата очистка города от ценного имущества и ценных кадров. После оглашения радиограмм заседание Верховного Совета закрыли.

Мещерский сразу же созвал Совнарком. Помятый после бурной бессонной ночи, ареста и последующего освобождения, Предсовнаркома, тем не менее, не утратил боевитости. Следствие НКВД, к счастью, не успело с ним плотно «поработать».

– Благодарю в вашем лице всех граждан республики, не испугавшихся мятежников, прикрывавшихся авторитетом Политбюро, Верховного суда и НКВД. Прошу передать мою благо-

дарность всем вашим подчиненным, – обратился Мещерский к наркомам. – Благодаря сознательности граждан, мятеж удалось подавить в кратчайшие сроки и с минимальными потерями. Верховный Совет и Совнарком с честью справились с чрезвычайной ситуацией. Следствие разбирается с причинами и установит оставшихся на свободе участников мятежа. Все заговорщики получают по заслугам. На этом прошу всех успокоиться и вернуться к текущим делам.

У нас на подходе Маркс и Энгельс, возвращающиеся из Европы. На борту у них не менее двух десятков нанятых мастеров – голландцев с подмастерьями и семьями. Всего – около четырехсот человек. Обращаю ваше внимание – нанятых по договорам, а не военнопленных. К тому же, голландцев. К тому же, все они едут с семьями и детьми. Это совершенно новая для нас категория жителей республики.

Во-первых, им нужны соответствующие многодетным семьям и привычные для них условия проживания, то есть отдельные дома, а не общежития, как у нас принято. Во-вторых, их всех нужно держать подальше от наших технологических секретов, поскольку не исключена возможность, что после выполнения трехлетнего контракта, некоторые из них захотят вернуться на родину. В-третьих, нужны переводчики с голландского для общения с ними. Ну и самое главное, надо решить, как задействовать их на производстве для нужд республики.

Ну и не забываем, что после завершения нашей эскадрой операции в Сан-Хуане, мы получим большое количество военнопленных мастеров – испанцев, и тоже с семьями. Заодно обдумываем вопрос взаимодействия наемных голландских мастеров с военнопленными испанскими. Прошу высказываться.

– Сразу скажу, знатоков голландского языка у нас нет ни одного, – первым вступил Зильберман. – Но, я думаю, серьезной проблемы тут не возникнет, у нас человек десять прилично знают немецкий, а многие из голландцев наверняка его тоже знают. Тем не менее, нужно в языковом классе туземной школы добавить преподавание голландского и немецкого языков.

– Спасибо, насчет языков принимается, – резюмировал Мещерский. – Михал Дмитрич, это поручение тебе, – обратился он к наркому науки и образования Жердеву.

– Николай Иосифович, давно хотел предложить: мне уже сейчас с научными изысканиями и разработкой вооружений дел невпроворот. А если из Европы химические реактивы привезут, вообще будет не до школьных дел! У нас школой заведует библиотекарь Сенечкин. Вполне справляется. Предлагаю, назначить его наркомом образования, а с меня эти дела снять.

– Согласен! Через Верховный Совет разделение твоего наркомата на два отдельных проведем, и назначение Сенечкина утвердим. Тем не менее, поручение ты ему передай и организуй исполнение. Ведь потребуется преподавателя немецкого языка откуда-то выделить и откомандировать в школу.

Слова попросил нарком промышленности Болотников:

– По поводу соблюдения секретности. Хочешь – не хочешь, а несекретные производства нужно убирать из Крыма на Сент-Винсент. Здесь у нас уже просто места не хватает для новых цехов. Тем более, для нового жилья. Да и продовольствие, и уголь приходится завозить кораблями. А на Сент-Винсенте все это есть.

– Тогда племя на Сент-Винсенте надо брать в подданство, ставить там форт с гарнизоном, организовывать туземную гвардию и пограничную стражу, – снова включился Зильберман. – А для проведения строительных работ нужно перебрасывать туда пленных испанцев, строить для них лагерь, обеспечивать конвоирование и охрану.

– Принимается, будем осваивать Сент-Винсент. Завтра утром жду от наркоматов промышленности, НКВД и обороны письменный план работ и эскизные проекты освоения Сент-Винсента. – Заключил Предсовнаркома, закрывая заседание.

Оставил в зале только Болотникова, Зильбермана, Жердева и приказал дежурному по ГКП вызвать нового наркома внудел Шнурко, ВРИО командующего Коровалова и боцмана Влазнева.

– Ну что же, товарищи! Уж заседать, так заседать! Верховный совет отзаседал, Совнарком отзаседал. Пока ищут Шнурко, Коровалова и Влазнева, предлагаю провести заседание Политбюро. Из шести членов здесь присутствуют четверо, Влазнев вскоре подойдет. Круминыш из состава Политбюро выбыл.

Предлагаю обсудить вопрос, как же так произошло, что Генеральный секретарь святая святых – нашего Политбюро, оказался вожаком заговора против нашей родной Советской власти. И что нужно сделать, чтобы в дальнейшем это не повторилось.

– Думаю, тут чисто субъективное дело. Круминыша не устраивало то, что всеми делами в республике заправляешь ты, Николай Иосифович! А он хотел быть главным сам. А того, что для этого вкалывать надо круглые сутки, он не понимал, – высказался Зильберман.

– Уж извини, Николай Иосифович, что раньше тебе не сказал, но Круминыш еще в самом начале нашей эпопеи при мне высказывался за то, чтобы отстранить тебя от должности командира Марти, – дополнил Болотников. – Потом, правда, притих. Я думал, он эту мысль оставил. Оказалось – нет. Вместе с Ягодиным и Замилацким заговор составил. Ну и поделом ему!

– Ну, если в самом деле кто-то из вас считает, что я слишком много полномочий на себя взял, я готов поделиться! – отреагировал Мещерский.

– Брось кокетничать, Николай Иосифович, – у нас система власти вполне разумная сложилась. И ты, как безусловный лидер экипажа, взял на себя столько, сколько смог потянуть. Мы все, здесь присутствующие, тянем свой воз в меру сил и способностей! Правильно я говорю, товарищи? – осведомился Жердев.

– Поддерживаю! Согласен! Все правильно! – отозвались члены Политбюро.

– Я хоть и не член Политбюро, но тоже поддерживаю! – высказался Коровалов. – Вы, Николай Иосифович – безусловный лидер и авторитет для всех мартийцев.

– Для конвойников и членов экспедиции – тоже, – присоединился Болотников.

– А если посмотреть на это дело с юридической точки зрения, то имело место вмешательство Генсека в оперативную деятельность Совнаркома через голову его Председателя. Круминыш отдал приказ Ягодину и тот его исполнил. Имеет смысл дополнить устав Партии и Конституцию республики положением, что Политбюро не имеет права прямого вмешательства в деятельность Совнаркома, Верховного Совета и Верховного суда, – предложил Зильберман.

– А вот это очень правильная мысль, Самуил Исакыч! – ухватил идею Мещерский. – Сформулируйте поправки в Устав и Конституцию. Примем их на партсобрании и на Совете.

– Надо бы еще кое-что в уставе поправить! – Предложил только что появившийся в зале Влазнев. А то, у нас не устав Партии, а какой-то режим лагеря для эков. Членам партии должна быть разрешена внутривнутрипартийная свобода дискуссий и свобода образования фракций. У нас тут слишком сложные условия, чтобы из одного центра всем руководить и в одной голове все вопросы держать.

– Тут, я думаю, возражений нет. Это Круминыш такие строгости в Уставе накрутил. Давайте примем такие поправки в Устав, – согласился Мещерский. – Но, принцип демократического централизма мы не отменяем. Решения, принятые большинством голосов на партсобрании, обязательны для всех членов партии. Раз уже все члены Политбюро собрались, предлагаю выбрать кандидатуру нового Генерального секретаря для общего партсобрания. Считаю, Пантелей Кондратьевич, как человек в экипаже авторитетный, справится!

– Да Вы что, товарищ адмирал? Какой из меня Генсек? Я боцман! – Чуть не выпрыгнул из штанов Влазнев. – Палубу швабрить, медяшки драить – тут я мастер. А партией руководить – категорически не берусь!

– А у нас здесь все выше головы прыгают! По-другому не получается. Боцман Шнурко теперь нарком НКВД! Старшины кораблями командуют. Так что, Пантелей Кондратьевич, назвался груздем, полезай в кузов! Не отвертись! – поддержал Мещерского Жердев.

– Не тушуйтесь, Пантелей Кондратьевич, мы все, как члены Политбюро, поддержим Вас и поможем, если что, советом! Политбюро – орган коллективный, а Вы – только его секретарь. Хоть и Генеральный. – подключился Болотников.

– Ставлю вопрос на голосование! – завершил дискуссии Мещерский.

Четырьмя голосами против одного кандидатуру утвердили.

– Как утвердим твою кандидатуру на собрании, ты проставляешься, – поддел новоявленного Генсека Болотников.

– Вот еще! Вы меня насильно принуждаете! – не согласился боцман.

– Насильно или добровольно, но проставляться тебе, Пантелей Кондратьевич, после собрания все равно придется. Коммунисты твою кандидатуру поддержат, я уверен! – добил боцмана Мещерский. – Уф! На сегодня официальные мероприятия завершены! Товарищ Влазнев свободен. Теперь передохнем, дождемся Шнурко и займемся вопросом Сент-Винсента.

– Уже вставший из-за стола Влазнев остановился:

– А что за название такое – Сент-Винсент? Святой Винсент какой-то! Не нужны нам ихние святые! Предлагаю переименовать остров. Например, назвать его Сахалином! Как-то привычнее звучит.

– Вот, Пантелей Кондратьевич, ты уже и в новую лямку впрягаешься! Идеологические вопросы ставишь! Очень вовремя! – Поддержал Мещерский. – Поставим вопрос на Верховном Совете и переименуем.

Командиры вышли на крыльцо перекурить. Во дворе было пусто. Весь личный состав, включая жен, был при делах. Минут через пять подъехал на бричке с кучером – индейцем Шнурко. Спрыгнул, строевым шагом подошел и по привычке отрапортовал командиру:

– Товарищ адмирал, личный состав наркомата внутренних дел приступил к несению службы в установленном порядке.

– Никита Фадеич, ты теперь нарком, как и я, так что обращайся по имени, отчеству. Привыкай к новому положению.

– Так точно, товарищ адмирал!

– Ну, вот, опять!

– Виноват, товарищ адмирал!

– Ладно, со временем привыкнешь. Переходим к делу. Какие будут соображения по Сент-Винсенту, точнее, по Сахалину? Надо вчерне наметить план работ.

– А чего придумывать? У нас уже есть опыт освоения территории на Тринидаде и в Крыму. Действуем в том же порядке, – первым вступил наркомпром Болотников. – Местных индейцев берем в подданство. Перебрасываем туда почти всех испанцев, тут у нас работы для них осталось мало. Здесь оставляем только кирпичный завод и одну пилораму. Строим на Сахалине большую крепость на три сектора: жилой сектор наемных голландских мастеров, жилой сектор пленных мастеров – испанцев, производственный сектор с заводскими цехами. Вокруг крепости делаем вырубку, как обычно.

– Для охраны временно перебросим туда нашу пограничную сотню, одновременно наберем новых туземцев в конвойные войска и в пограничную стражу для Сахалина, – дополнил Шнурко, уже начавший мыслить как нарком в нудел.

– Есть проблема. Я думаю, не стоит набирать в войска сахалинских туземцев. Они не араваки, с которыми мы уже имели дело, а карибы. Испанцы отзываются о них как об исключительно непокорных, кровожадных и вероломных племенах. Один раз мы уже на этом обожглись. Да и уничтожение воинов трех племен они нам могут припомнить, – сбил общий оптимистический настрой Зильберман.

– И что ты предлагаешь, Самуил Исакыч? – осведомился Мещерский.

– Думаю, воинов в охрану и в гвардию набрать на Тринидаде, а местных мужчин отослать служить на Тринидад. Да и вообще, надо бы взять за правило, что бы охранные и гвардейские

туземные подразделения направлять на службу на другие острова. Так меньше будет вероятность, что взбунтуются.

– Согласен с тобой. Тогда нужно все племена Тринидада брать в подданство, а то из наших племен мы уже всех, кого можно, мобилизовали.

– Все верно, только для этого надо мне отправляться на Тринидад, потому что вопрос тонкий. Тетикетль при этом полностью теряет самостоятельность, а он мужчина амбициозный, привык быть верховным вождем. Как бы бунта не было.

– Правильно, следующим рейсом и отправляйся. Заодно, привезешь сотню воинов для сахалинского гарнизона. Туземцев – карибов с Сахалина трогать пока не будем, уберем их с острова после завершения стройки. Сейчас они против нас не пойдут. Испуг после разгрома еще не прошел.

Петр Ильич, какие производства думаешь переносить на Сахалин? И как думаешь организовать производственный процесс с голландскими и испанскими мастерами? – Обратился Предсовнаркома к Болотникову.

– Все несекретные. Швейное, обувное, шорное, гончарное, столярное, лесопилку, кирпичный завод. Впрочем, наш кирпичный завод трогать не будем. Кирпич лучше производить на месте. Да и на Тринидаде нужно кирпичный завод ставить. Не дело, что у нас на нефтепромысле все постройки деревянные.

Каждому мастеру с подмастерьями сделаем отдельный производственный участок. Мастеров одной специальности объединим в цеха. Начальниками цехов поставим наших людей. Потом посмотрим, кто из мастеров лучше себя покажет, того и поставим инженером цеха. Рабочих наберем из пленных испанцев, учеников – из индейских подростков, окончивших школу.

– Еще вопрос, – вмешался в обсуждение освоившийся в высоком собрании Шнурко, – кого назначим наркомом Сахалина?

Все замолчали, прикидывая. Как учил товарищ Сталин, кадры решают все.

– Из тех, кто еще не при должностях, наиболее подходящий – старшина Панин, – предложил Жердев.

– И он и Никита Фадеич – члены Совета, совсем Верховный Совет оголяем, – возразил Жердев.

– На данный момент, для нас важнее наркомы. К тому же, члены Совета от своих должностей не освобождаются. Тем не менее, в Совет будем выдвигать вместо Шнурко и Панина молодежь.

Еще вопросы? Вопросов нет. Быть по сему! Завтра утром жду от вас всех планы работ и эскизные чертежи объектов, – закруглил совещание Мещерский.

Все разошлись по местам. Мещерский с Жердевым направились к научникам.

4. Выбор стратегии.

К 8-му февраля все последствия мятежа были ликвидированы. Жизнь республики вошла в привычный ритм.

Накануне приняли радиogramмы с Маркса с поименным списком нанятых мастеров и подмастерьев, и с Марти – с примерным перечнем взятых в плен в Сан-Хуане мастеров – испанцев. Мещерский счел своевременным созвать совместное совещание Политбюро, Верховного Совета и Совнаркома, для обсуждения и принятия стратегии дальнейшего развития республики.

Во вступительном слове Предсовнаркома заявил:

– Задача, которую мы ставили перед собой семь месяцев назад, сразу после нашего провала в прошлое: выжить в новом для нас мире, защититься от внешних угроз, наладить добычу минимально необходимых для выживания ресурсов, нами успешно решена.

Создано жизнеспособное государство, отражено нападение сильнейшего местного врага – Испании, подавлено выступление внутреннего врага, налажено взаимовыгодное взаимодействие с аборигенами – индейцами. Республика успешно обеспечивает себя продовольствием, бытовыми товарами, горюче-смазочными материалами, налажено промышленное производство минимального набора необходимых товаров, инструментов и вооружения, сформированы флот и армия.

Нами уничтожены практически все вооруженные силы Испании в бассейне Карибского моря. Думаю, мы истребили или взяли в плен примерно половину мужского населения испанских колоний в Вест-Индии. В них остались, в основном, полицейские силы да небооруженные обыватели. Практически полностью уничтожен испанский флот. Могу твердо заявить, что в течение, как минимум ближайшего года, а вполне вероятно, что и в течение двух ближайших лет, можно не опасаться нового нападения со стороны Испании.

Из этого следует, что у нас есть возможность вдумчиво осмотреться, проанализировать создавшуюся ситуацию, и разработать стратегическую линию дальнейшего развития республики. Это касается, прежде всего, политического устройства республики, промышленности, сельского хозяйства, науки и образования. Ну и само собой разумеется – армии и флота. Нужно разработать программу производства вооружений.

Здесь собран весь руководящий состав республики. Прошу вас, товарищи, высказывать свой взгляд на стратегию наших дальнейших действий.

Первым слово взял Зильберман:

– Политическое устройство, мне думается, у нас складывается вполне подходящее. Только нужно пересмотреть состав Политбюро и Верховного суда, с учетом результатов расследования деятельности мятежников.

По поводу внешней политики. Нужно и дальше подрывать военный и промышленный потенциал Испании в Вест-Индии. Разгромить все крупные порты, вывезти из них всех ремесленников, сырье и материалы. Попытаться, по возможности, полностью пресечь или хотя бы существенно сократить перевозки из Испании. Тогда мы получим не два года мирной передышки, а все пять.

Далее, установить связь с немцами в Венесуэле. Я думаю, до них уже дошли вести о разгроме испанского флота. Теперь они сами выйдут на контакт с нами. Через них наладим поставки из Европы всех материалов, которые нам нужны и которые мы пока сами не производим. Расплачиваться с ними трофейным серебром или промтоварами, которые в Европе дефицитны, и которые мы сможем сами производить.

Для торговли с немцами, чтобы они здесь у нас под ногами не путались, предлагаю основать порт на острове Гренада. Остров Гренада взять под свой контроль. Как и остров Тобаго. Тогда вся цепочка малых Антильских островов от Тринидада до Сахалина будет под нашей властью.

В дальнейшем нарастить свой флот и установить полную блокаду Вест-Индии. В итоге, лет через десять, мы сможем подчинить себе все испанские владения в Америке.

Затем слово взял нарком промышленности Болотников:

– Насколько я понимаю, вооружений мы произвели уже достаточно, чтобы иметь подавляющее превосходство над испанцами. Теперь можно и нужно подумать о развитии промышленной базы. В первую очередь, необходимо поочередно разобрать все имеющиеся у нас станки, разработать их детальные чертежи и запустить в производство второй комплект всего станочного парка.

Далее, нужно создать при заводе машиностроительное конструкторское бюро (КБ), и начать в нем разработку станков увеличенного размера и увеличенной производительности. Для этого нужны кадры, кадры, и еще раз кадры. Практику сменных экипажей, я считаю, сле-

дует отменить. Моряки должны все время плавать, а рабочие и инженеры – все время работать. Иначе неизбежна потеря квалификации и в море и на берегу.

Далее, нужно создавать новые производства. У нас будут рудознатец, то есть, по нашему – геолог, и горный мастер. Первое, что они должны сделать, это найти месторождения известняка. Во-первых, это сам по себе отличный стройматериал, который гораздо дешевле кирпича. Во-вторых, нужно наладить отжиг из него извести. В смеси с подходящими вулканическими туфами, которых полно на Сахалине, получим цемент. Полностью перейдем от деревянного домостроения к каменному.

На Тринидаде есть месторождение хорошей железной руды. Его нужно найти и начать разработку. Болотное железо – руда очень плохая. Его мы использовали только от нашей бедности.

Нужно срочно развивать цветную металлургию. Прежде всего медную. Для этого нужно самим добывать руды цветных металлов, или закупать готовые цветные металлы. Нужна проволока для электросетей и электромоторов, листовая медь на обшивку днища парусников. На трофейной меди далеко мы не уедем.

Через немцев в Венесуэле необходимо организовать добычу и закупку каучука, это электрическая изоляция, резиновые трубы и автомобильные шины.

Нарком науки Жердев поддержал создание КБ при заводе, заявив, что туда можно передать часть новых разработок, в том случае, если имеется готовый образец, или комплект чертежей. Например, двигатель внутреннего сгорания для грузовика ГАЗ-АА. Комплект чертежей на заводе имеется, имеются и детали двигателя в ЗиПе. Вполне можно поручить КБ изготовление двигателя. Освоив в производстве двигателя внутреннего сгорания, можно развивать и автотранспорт и даже авиацию.

Тогда, в наркомате науки можно будет оставить только новые разработки, по которым нет ни образцов, ни рабочих чертежей. Это радиотехника, электротехника, оптическое производство, авиация, химия, пороха и другие взрывчатые вещества.

Член Верховного совета стармех Востриков высказался по вопросу развития флота:

– Хватит нам уже приспособливать под себя трофейные испанские корабли. У них обводы корпуса чуть лучше, чем у сундуков. Пора построить свою верфь. Будем на ней строить нормальные корабли. У нас есть персонал для верфи: несколько студентов кораблестроительных специальностей, будет один голландский корабельщик с подмастерьями и несколько испанских мастеров. Начальником назначим Мякишева, он энтузиаст этого дела.

Нам нужны быстроходные сто тонные шхуны для разведки с полным ходом до 20 узлов. Нужны пятисот тонные крейсера с обводами чайных клиперов с косым парусным вооружением для блокады Вест-Индии. Косые паруса позволяют раза в три сократить палубные команды. Потом будут нужны грузовые корабли в тысячу тонн, опять же с косым парусным вооружением с обводами клиперов конца 19-го века. Их же можно использовать как носители гидросамолетов. Морская авиация позволит намного усилить эффективность блокады Вест-Индии.

От вооруженных сил высказался ВРИО Главкома старлей Коровалов:

– После прихода экспедиции из Европы мы, наконец, сможем наладить производство капсулей. Значит, сможем выпускать вторичные патроны трехлинейного калибра, у нас уже стреляных гильз почти 20 тысяч накопилось. Наладив цветную металлургию, сможем производить новые трехдюймовые выстрелы, они у нас в дефиците. Пушек много наделали, а гильз мало. Пора уже переводить 90-миллиметровые пушки на унитарные выстрелы. Для этого нужна гильза с размером под казенник орудия.

У нас имеются образцы пистолета ТТ и пистолет-пулемета ППД. Их производство мы до сих пор не начинали, по причине дефицита патронов для них. Теперь мы сможем выпускать пистолетные трехлинейные патроны, а значит, нужно начать делать образцы оружия и прово-

дить испытания. Далее, у нас очень мало пулеметов. Поскольку вопрос с патронами решается, нужно воспроизводить ручной и станковый пулемет.

Без всяких сомнений, нужно разрабатывать двигатель внутреннего сгорания, автомобиль, броневи́к на его базе и гидросамолет.

– Все это очень важные вопросы, товарищ Главком, но, приходится признать правоту наркома промышленности. На данный момент, развитие нашего станочного парка более актуально, – возразил Предсовнаркома. – Но, после выпуска второго комплекта станков, этими разработками, безусловно, следует заняться. Пока же, следует ограничиться изготовлением опытных образцов, и то, не в ущерб станкостроению. Как я уже сказал, пара мирных лет у нас впереди будет.

Нарком торговли Игнатьев предложил вывести все сельхоз производство из Крыма, поскольку все наличные людские ресурсы острова, включая туземцев, придется задействовать в производстве и на службе. Оставить только минимальное подсобное хозяйство в местном племени. Туземцам на других островах продавать металлический сельхозинвентарь и крепленую брагу в обмен на поставки продовольствия.

Нарком внешторг Дружков сообщил, что по результатам опроса пленных, наиболее перспективными товарами для торговли с Европой на данный момент времени являются зеркала, листовое стекло, обычные очки, настенные и настольные часы. Производство их наладить не сложно, а стоят они сейчас в Европе очень дорого. Причем очки для близоруких в Европе вообще не производят.

Начмед Васюнин высказался за то, чтобы ускорить предоставление гражданства испанцам. Став гражданами бпг, они женятся на туземках, а их дети пойдут в нашу школу, потом в пионеры, затем в комсомольцы и станут в итоге преданными гражданами республики. Да и сами испанцы, заимев детей, тоже станут вполне благонадежными.

Мещерский поддержал Васюнина, заявив, что все испанцы, отработавшие по договорам без замечаний не менее года на кораблях и на производстве, вполне достойны стать гражданами бпг. Это поможет смягчить кадровый голод. То же самое касается индейцев.

Только что назначенный наркомом образования младлей Сенечкин, робко попросил слова и высказал мысль о введении обязательного образования для всех детей подданных племен с десятилетнего возраста. Учителями можно назначить подростков, уже закончивших школу. После полугодового курса обучения, включающего арифметику, основы устного русского языка и курса истории республики, проявивших способности подростков направлять на двухгодичное обучение. Их обучать арифметике, геометрии, алгебре, основам физики, русскому письменному, культуре и истории республики. Затем направлять их юнгами на флот или учениками на производство.

Предсовнаркома выразил благодарность зардевшемуся мамлею, и тут же поручил ему готовить программы для этих курсов. В будущем это поможет решить кадровую проблему.

Начальные школы Мещерский поручил Сенечкину основать в Сталинграде, Ленинграде, на Сахалине, а также на Гренаде и Тобаго, после взятия этих островов под контроль. Двухгодичные школы – в Сталинграде и Ленинграде.

Сенечкин на этом не успокоился и поднял вопрос о реформировании единой комсомольской организации республики, поскольку старые комсомольские группы боевых частей давно распались.

Предсовнаркома согласился:

– Ну что же, Василий, как тебя по батюшке? Петрович? Вот ты Василий Петрович, этим и займись! На общественных началах. Инициатива наказуема, как известно. Сформируйте комсомольские ячейки на всех кораблях, на всех производствах, выберите комсorgh ячеек, затем проведите конференцию организации, и выберите секретаря республиканского комсомола. Только, подожди с этим до возвращения эскадры.

Кстати, у нас у нас зав Красным уголком лейтенант Курочкин все еще на Тринидаде, замполитом служит. Вот его оттуда отзовем и назначим директором школы вместо Василия Петровича. Заодно – подходящая кандидатура в комсомольские секретари республики. А штатных замполитов вообще придется отменить. Кадровый голод у нас. Замполитами впредь будем назначать членов партии по совместительству без освобождения от основной деятельности. Еще трех человек высвободим. Для двухгодичной школы придется еще преподавателей где-то изыскивать!

Заседали весь день. Зато, утвердили стратегию развития республики. Начальники в спорах и ругани, общими усилиями родили документ на девятнадцати машинописных страницах под названием «Трехлетний план развития Коммунистической республики Камчатка».

Вечером этого дня Сенечкин делился со своим закадычным другом артиллеристом мамлеем Скрипко личными впечатлениями от работы в составе высшего руководства республики. В основном, восхищался мудростью старших товарищей.

– Все это прекрасно, и все они – хорошие люди. Но, вот по государственному устройству республики они оставили все, как было при Круминьше. Разве это социализм? – возмущался Скрипко. – За что такие привилегии у командования! Разве за это боролись наши отцы? За это проливали кровь в гражданскую? Комиссары имели из имущества только «пыльные шлемы» и кожанки. Наркомы в гражданскую в голодные обмороки падали! Вообще ничего себе из барахла не брали! Товарищ Сталин в рваных сапогах ходил!

А у нас что? Шесть категорий граждан! Количество жен и количество комнат равно гражданской категории?! Ладно, у начальства зарплаты большие. Это я еще могу понять! Работа у них сложнее, чем у рядовых граждан. Но все остальное?! Это же феодализм какой-то! Начальство – аристократы, а мы – простолюдины получаемся. Я уж не говорю, что испанцы и туземцы у нас вообще бесправные, рабы практически! А коммунизм учит, что все пролетарии равны!

– Ну, это все Круминьш ввел, – урезонивал друга Сенечкин.

– Теперь Круминьша нет, а они все как было оставили! – напал на начальство Скрипко.

– Ну, так теперь в партии и в комсомоле разрешили свободу дискуссий и образование фракций! Если тебе порядки в республике не нравятся, агитируй за свою позицию среди комсомольцев у себя в экипаже, принимайте резолюцию, выходите с резолюцией на Политбюро, на Верховный Совет. Кто тебе не дает? У нас свобода дискуссий! Доказывай свою правоту! А я считаю, что все у нас правильно. Учись, повышай мастерство, выходи в начальники или на выборную должность, повышай свою категорию гражданства. Все справедливо!

– Ни черта не справедливо! Все должно быть поровну! У всех права должны быть равные! В этом и есть смысл научного коммунизма! – оставался при своем мнении Скрипко. Друзья спорили до хрипоты и едва не рассорились.

5. Возвращение «классиков».

Под приветственные оружейные залпы береговых батарей «Маркс» и «Энгельс», дымя трубами, в строю кильватера вошли в бухту, уверенно маневрировали и плавно пришвартовались с двух сторон к только что законченному постройкой пирсу. Над крепостью гремел из всех репродукторов «Интернационал».

Пирс, состоящий из заполненных камнями и грунтом бревенчатых срубов, выдавался в бухту почти на сто метров и позволил пришвартоваться двум крупным галеонам даже при полном отливе. Помимо этого причала, в бухте строились еще три пирса. Самый длинный из них, г-образный в плане, предназначался для Марти. Два других, длиной по сто тридцать метров, после завершения работ смогут принять по четыре парусника каждый.

На причале корабли встречало руководство республики в полном составе. За исключением раненого Сокольского. С галеонов сбросили сходни. Начальник экспедиции старлей

Коновалов в сопровождении командиров кораблей молодцевато прошествовали по сходням на пирс и отрапортовали Предсовнаркома об успешном завершении экспедиции.

Мещерский поочередно обнял каждого из них и поблагодарил за службу. Затем поднялся на палубу каждого корабля и поприветствовал команды. Поскольку адмирал прекрасно понимал чувства моряков, не видевших берега больше трех месяцев, приветствия он не затягивал и сразу же приказал разгружаться. В первую очередь выгрузили пассажиров с их скарбом, и проводили их в освободившиеся лагеря испанских военнопленных. В переноске грузов помогали пленные испанцы.

Места в лагерях хватало с избытком. Более трех тысяч пленных в предшествующие дни перебросили на Сахалин, оставив в Крыму только пятьсот человек в лагере комсостава и около тысячи человек в одном из лагерей для рядовых. Комсостав работал на кирпичном заводе и лесопилке, а оставшиеся рядовые – на строительстве причалов, припортовых складов и достройке кольцевой дороги. В освободившихся бараках произвели полную уборку, в пищеблоках к приходу голландцев накрыли столы. Коки – испанцы и подавальщицы – туземки расстарались, украсив столы цветами и корзинами фруктов. На размещение и обед голландцам предоставили три часа. Затем всех пригласили на митинг.

Мещерский через переводчиков Ягудина и мастера Хоофта, переводившего с немецкого на голландский, поприветствовал голландцев и поздравил с благополучным завершением перехода через океан. В качестве трибуны использовали кузов транспортного трактора, на который установили звукоусилительную установку. Для произведения должного впечатления на голландцев. Затем, один из вновь прибывших, по совместительству выполнявший обязанности пастора, прочитал благодарственную молитву Господу в честь благополучного завершения путешествия.

Слово снова взял Мещерский. Успокоил голландцев, разъяснив, что подписанные договора между купцом Ягудиным и мастерами будут выполнены до последней буквы. Жить они будут, как и записано в договорах, в городе Ленинграде. А то, что город находится не на берегу Белого моря, а не берегу Карибского, так про это в договоре ничего не прописано. Пояснил, что республика Камчатка основана подданными Московского князя, как и разъяснял Ягудин при заключении договоров. Правда, уже бывшими подданными, поскольку республика – совершенно самостоятельное государство.

Порадовал голландцев, заявив, что карибский климат не в пример лучше голландского, а тем более беломорского, морозов и даже просто холодов здесь нет совсем, круглый год тепло, поэтому на столе всегда свежие овощи и фрукты в любом количестве, что особенно полезно детям. Сказал, что размещение в лагере сугубо временное, на четыре – пять дней. Сейчас на соседнем острове Сахалине спешно строят для них жилые корпуса и мастерские. Хотя, некоторые из них останутся работать здесь, на острове Крым. А именно алхимик, кораблестроитель, рудознатец, архитектор, горный мастер, ювелир, часовщик, оружейник, врач, аптекарь. Для них тоже строятся жилые дома и мастерские. Каждому мастеру выделяется для жилья три комнаты на семью, а подмастерьям – две. Огласил стоимость аренды жилья и стоимость питания в общем пищеблоке крепости. В дальнейшем каждой семье будет построен отдельный дом и передан в аренду с выкупом.

Затем Предсовнаркома ответил на вопросы. По поводу строительства храма, пояснил, что в республике свобода вероисповедания, поэтому храм их община, если захочет, будет строить за свой счет. Место под церковь на острове Сахалин будет выделено. Для изучения русского языка будут открыты вечерние курсы. Все дети с десяти лет в обязательном порядке пойдут в школу. Обучение бесплатное. Религиозное обучение община проводит сама. Представил всем владевшего немецким языком старшину Пергова, назначенного куратором голландцев, по всем вопросам рекомендовал обращаться к нему. На этом собрание закрыли.

Еще на корабле, почти сразу после выхода из Амстердама, мастер Хоофт понял, что с нанимателями – московскими купцам все совсем не просто. Поразили фонари, освещавшие батарейную палубу. Орудийные порты были задраены, других источников света не было. Фонари крепились к потолку и представляли собой стеклянные колбы, внутри которых сверкали поразительно ярким светом тончайшие нити. Каждый фонарь сиял как сотня свечей.

Проснувшись утром, Вилем сразу заметил, что помимо ритмичной качки, свойственной морскому путешествию, присутствует и мелкая частая дрожь пола, сопровождаемая каким-то фырчанием. Утром после пробудки пассажиров стали выпускать группами на палубу для отправления естественных нужд в корабельном туалете – гальюне, расположенном на носу корабля рядом с бушпритом. Пока все чада Хооффта и его подмастерьев опраивались, Вилем прошелся по палубе, и обнаружил, что дрожь сильнее всего чувствуется на корме, за которой вода очень сильно бурлит. При этом, из двух высоких труб, установленных на корабле вместо бизань-мачты, идет дым.

Выбрав момент, Хоофт обратился за разъяснениями к нанимателю московитскому купцу Минину. Тот ответил, что лампы куплены в Москве за большие деньги у китайских купцов, трубы дымят от печей на корабельной кухне – камбузе, а вода бурлит из-за очень быстрого хода корабля. Вилем купцу не поверил. Мастер Хоофт был человеком сухопутным, но вполне смог сориентироваться по солнцу, и понять, что корабль плывет на юго-запад, в то время как Московия лежит на востоке. Минин пояснил, что по пути в Московию они решили посмотреть Вест-Индию. Вилем опять не поверил. Вест-Индия была совсем не по пути.

Через два дня попутный ветер стих, паруса спустили, но корабли продолжали так же быстро идти вперед. На следующий день ветер стал встречным, но корабль даже ускорил ход. Набегающие спереди волны разбивались о форштевень, окатывая брызгами нос корабля, и уносились вдоль бортов за корму. Наблюдая за бурлением воды под кормой, Вилем пришел к выводу, что некий механизм толкает воду из под кормы назад, вследствие чего корабль плывет вперед. Минин сказал, что это особый китайский механизм, закупленный в Московии.

Высадили их, как и обещали, в городе Ленинграде, только оказался он не в Белом море, а вовсе в Карибском. Кое-что прояснилось после встречи переселенцев с главным человеком в республике Камчатка – адмиралом Мещерским. Опять поразили самодвижущаяся повозка, на которой приехал адмирал, и удивительные рупоры, во много раз усиливающие голос говорившего.

Потом удивительного обнаружилось столько, что мастер Хоофт совсем потерял способность удивляться. Начиная с истории республики Камчатка и таинственных «ушедших» с их техническими чудесами. То, что успели сделать камчатцы на острове за полгода, было само по себе поразительно.

Накануне на совместном заседании наркоматов промышленности и науки во исполнение принятого Совнаркомом трехлетнего плана обсудили перечень продолжающихся и вновь открываемых разработок и список производственных участков. Утвердили распределение по ним собственных кадров, прибывших голландских и прибывающих испанских мастеров.

Ввиду жесточайшего кадрового дефицита, решили задействовать в секретных разработках и на секретных производствах испанских и голландских мастеров, для чего взять курс на их полную натурализацию. Собственных мартийских кадров категорически не хватало.

Решили резко расширить количественный состав наркомата науки, за счет перехода части кадров из производства. В составе наркомата решили создать опытное стеклодельное производство с участками стекловарения, листового стекла, посуды, оптического стекла. Отдельный участок разработки и производства оптических приборов: очков, зеркал, подзорных труб и орудийных прицелов. Очки и зеркала планировалось производить на продажу, местные их уже производили, но отвратительного качества. Начальником производства утвердили краснофлотца Пудонина, увлекавшегося до службы астрономией, и даже изготовившего

самодельный телескоп. К сожалению, других специалистов в этой области в экипаже не обнаружилось. Все технологические вопросы пришлось возложить на мастера голландца с подмастерьями.

Под руководством связиста лейтенанта Соколова в наркомате решили начать разработку и производство электроламп, радиоламп и других радиодеталей. В его ведение отдали трех краснофлотцев – заочников, мастера – ювелира с подмастерьями и одного из подмастерьев стеклодела.

В химической лаборатории под общим руководством начальника службы химзащиты старлея Прокошина создать группы взрывчатых веществ, лакокрасочных веществ, горючесмазочных материалов, капсулей, тугоплавких металлов, электрохимии, аккумуляторов. В состав лаборатории включили личный состав службы ХЗ в количестве четырех человек, пятирех студентов – заочников химических специальностей, голландца – алхимика и одного мастера – пороховщика с подмастерьями, взятого в Сан-Хуане.

С целью укомплектования лабораторий и производств сменные экипажи кораблей Совнарком решил расформировать. В дальнейшем в постоянный плавсостав кораблей набрать моряков по их желанию и провести обмен кадрами между кораблями и берегом.

Работы по боевой ракете решили прекратить, ввиду успешной разработки минометов. Миномет калибра 120 мм прошел испытания и был передан в производство.

В оружейной лаборатории под руководством старлея Попова решили выделить стрелковую, минную и артиллерийскую группы. Включили в их состав шестерых краснофлотцев, оружейника – голландца и мастера испанца с подмастерьями. Поставили задачи: разработка станкового пулемета на основе ручного пулемета Дегтярева, трехлинейных винтовочного и пистолетного патронов, оборонительной и наступательной ручной гранаты. Доведение до ума гидropневматического противооткатного устройства пушки и разработка унитарного выстрела для 90-миллиметровой пушки.

Создали авиастроительную лабораторию под руководством старшины Кошкина из электромеханической БЧ, до призыва увлекавшегося авиамоделизмом и занимавшегося в аэроклубе, летавшего на планере и самолете У-2. К счастью для республики, парень из-за самодурства районного военкома попал не в авиацию, а во флот. Подчинили ему столяра краснодеревщика – испанца с подмастерьями. В качестве первой задачи поставили строительство планера, чертежи которого у Кошкина имелись.

При спецзаводе решили организовать КБ, которому поручить изготовление автомобильного двигателя ГАЗ-АА, копирование всех имеющихся в наличии станков и разработку новых станков повышенной мощности. После выполнения первых двух задач – копирование трехлинейного мосинского карабина, ручного пулемета ДП, пистолет-пулемета ППД и пистолета ТТ, копирование всей номенклатуры электродвигателей, имеющихся на Марти, копирование настенных и настольных часов. Начальником КБ утвердили каплея Жердева. В состав КБ включили семерых краснофлотцев и испанских мастеров: оружейника и кузнеца, а также голландца – часовщика с подмастерьями.

На производство в машиностроительный и металлургический цеха решили направить двоих испанских кузнецов с подмастерьями.

В восточной бухте рядом с индейской деревней решили поставить судостроительную верфь. Туда направили троих краснофлотцев, кораблестроителя – голландца, двух корабельных мастеров и столяра – краснодеревщика из испанцев с подмастерьями. Начальником верфи назначили лейтенанта Мякишева. Первой задачей ему поставили строительство быстроходной стотонной шхуны.

Рядом с металлургическим цехом запланировали строительство цеха цветной металлургии. Начальником назначили лейтенанта Авдеева из электромеханической БЧ. Ему передали двоих краснофлотцев и двоих испанских кузнецов с подмастерьями. Первой задачей новому

цеху поставили освоение отливки заготовок для трехдюймовых и 90-миллиметровых оружейных гильз.

Нарком здравоохранения Васюнин тоже готовился расширяться. В наркомате открывалась фармацевтическая лаборатория. В нее зачислили одного студента – химика, голландского и испанского аптекарей с подмастерьями, испанского и голландского врачей. Средневековых врачей до больных Васюнин решил пока не допускать, но, учитывая, что всякие снадобья в это время врачи готовили сами, решил, что от них может быть польза в лаборатории. Начальником назначил лейтенанта Пимочкина, не освободив, однако, от обязанностей врача медсанчасти.

Учитывая поставленные в трехлетнем плане задачи, в Совнаркоме учредили наркомат геологии и горной добычи. Наркомом Мещерский назначил профсоюзника Куницына, работавшего до перехода на профсоюзную работу шахтером. Ему подчинил одного студента геологического техникума, голландского рудознатца, испанского и голландского горных мастеров с подмастерьями. Поставил им первую задачу: срочно найти в Крыму, на Сахалине и на Тринидаде известняк и начать его промышленную добычу.

Всем испанским морякам, ходившим в Европу на «классиках» решением Верховного Совета дали гражданство республики и разрешили жениться, а морякам – индейцам дали гражданство бпг.

Пришедшую 13-го февраля из набега на Сан-Хуан, эскадру встречали так же торжественно, как «классиков». Пленных мастеров с семьями и вдов с детьми временно разместили в самом большом лагере военнопленных. Вновь взятых пленных – в последнем свободном лагере.

После того, как мастера с семьями разместились в лагере, Мещерский нанес им визит. В ворота лагеря въехал с помпой на тракторе со звукоусилительной установкой. Переводчик Подригин запустил через усилитель «Интернационал». Уже привыкшие за время морского перехода к техническим чудесам, испанцы не слишком удивились, но впечатлились сильно. Оркестр гремел, а музыкантов не было. Трактор ехал без лошадей.

Созвали митинг. Предсовнаркома выступил с речью перед мастерами и их женами. Детей, чтобы не мешали, заперли в бараке. Разъяснил мастерам открывающиеся перед ними перспективы. Хотя они и являются пленными по статусу, с каждым из них будет заключен трудовой договор. Работать будут по специальности. За работу будут получать высокую плату. Режим работы: восемь часов в день, шесть дней в неделю. Им будет предоставлено в аренду жилье в специально построенном жилом блоке: две комнаты на семью мастера и одну комнату – семье подмастерья. Это на первое время. Потом можно будет расширить занимаемую площадь. Режим содержания в плену для них будет свободным: в нерабочее время они и члены семей могут свободно передвигаться по территории острова, за исключением «закрытых» цехов.

Испанцы были в шоке. Такого они не ожидали. Думали, придется махать кайлом на каторге весь световой день без выходных.

Освоившим русский язык и добросовестно отработавшим год по их желанию может быть предоставлено гражданство республики, что повлечет за собой удвоение зарплаты. Гражданам будет предоставлено право построить индивидуальные жилые дома.

Рассказал про свободу вероисповедания, принятую в республике, возможность постройки храма, обязательное бесплатное обучение детей в школе. Особо предупредил, что никаких рабов и слуг в республике нет. Как нет и дворян с феодалами. Все граждане республики лично свободны. Испанцы снова были в шоке. Еще более глубоко. За время плавания матросы – испанцы, конечно, просветили пленных о принятых в республике порядках. Но, совсем другое дело – услышать это от высшего должностного лица республики.

Затем ответил на вопросы. В основном бытовые. Про возможность покупки необходимых товаров и продуктов, пользование общественной столовой и банно-прачечным блоком.

Лагерь Мещерский покидал под восторженный гул сотен голосов, радостный детский смех и вопли. Детей после завершения митинга выпустили из барака, где они были заперты на время митинга. Восторженное настроение родителей тут же передалось их отпрыскам.

Мастера выстроились в очереди к столам, установленным для регистрации прибывших.

Затем Предсовнаркома выступил в соседнем лагере перед вдовами. Рассказал про демографическую проблему республики, вынудившую власти ввести в республике многоженство. Испанки не сильно расстроились. Лучше быть второй женой, чем вообще не иметь мужа. Они прекрасно понимали, что после разгрома, учиненного республикой испанскому флоту и армии, шансов повторно выйти замуж у них не было.

То, что они и их дети после освоения русского языка станут гражданами республики, в могуществе и богатстве которой они уже убедились за время путешествия, им сильно понравилось. Еще больше им понравилось, что мужей они будут выбирать по обоюдному согласию заинтересованных сторон.

Перед военнопленными Мещерский выступать не стал, доверив все дела наркомуну вну-дел Шнурко. В конце концов, прием пленных стал уже рутинной процедурой. После регистрации, разделения на рабочие сотни и десятки, пленных перебросили на Сахалин строить новый город. На освободившееся место заселили вдов с детьми. Еще через три дня на Сахалин переселили голландских мастеров: столяра, кожевника, шорника, сапожника, ткача, портного с семьями и подмастерьями, а еще через четыре дня – и испанских мастеров, назначенных на общий завод. Жилые корпуса для них в Кировограде уже были к этому времени построены.

Испанцев – мастеров было взято много, но, к сожалению, к работам на спецзаводе из них годились только 14 человек: два оружейника, два столяра-краснодеревщика, пятеро кузнецов, двое корабельщиков, пороховой и горный мастера. Остальные 27 мастеров направлялись на общий завод: гончары, плотники, столяры, сапожники, ткачи, шорники, портные, бондари. Всего на общем заводе теперь трудилось около тысячи человек. Пока, почти все работы выполнялись вручную. Были еще мастера – строители, которых направили руководить стройотрядами из военнопленных. Двоих хлебопеков направили на пищеблок. Каменщиков оставили в Ленинграде.

На ближайшее время кадровый вопрос по гражданским специальностям в республике был закрыт полностью. Имелся даже некоторый избыток. Оставалось только должным образом организовать производство, что являлось задачей директора общего завода профсоюзника Дохнова. В помощь ему выделили двух оборотистых краснофлотцев: Зюскинда и Либермана, прославившихся организаторскими способностями еще в Нью-Йорке 20-го века.

Совнарком утвердил типовую кадровую структуру цехов на общем заводе: начальник цеха – краснофлотец со знанием немецкого языка, старший инженер цеха – голландец, начальники участков – подмастерья голландца, под ними – пленные испанские мастера с подмастерьями. Рядовых рабочих набрали из пленных испанцев. Со всеми испанцами заключили договора. Всех привели к присяге на Библии.

Стандартизовали структуру строительных лагерей пленных испанцев: начальник лагеря и командир конвойной сотни – бойцы конвойники, замполит лагеря, он же завхоз – из краснофлотцев, прорабы из испанских мастеров или подмастерьев. Сотники, десятники и весь обслуживающий персонал лагеря – из пленных. Емкость лагеря – от 800 до 1000 человек. Конвой – от 90 до 100 индейцев. Всего получилось два лагеря в Крыму и пять лагерей на Сахалине, с учетом пленных, взятых в Сан-Хуане. Кроме того, 2400 пленных испанцев ранее были розданы подданным племенам на Тринидаде.

Провели инвентаризацию товаров, взятых в Сан-Хуане. Поскольку портовые склады города были заняты товарами, доставленными пришедшим из Европы караваном, драгметаллов взяли мало. Железо представляли, в основном, взятые в крепости и на кораблях пушки, всего – около двухсот штук. Зато, в большом количестве присутствовали всевозможные ткани,

кожи, посуда, оружие, готовые одежда и обувь, инструменты, и что самое важное – порядочное количество химических реактивов: серной и соляной кислоты, серы, селитры, соли, ртути, графита, щелочи, мышьяка, сурьмы, медного и железного купороса, квасцов, красителей. Присутствовал и посевной материал – семена пшеницы, ржи, европейских овощных культур. К сожалению, лошадей и домашний скот в Сан-Хуане на корабле не грузили, по причине отсутствия места.

Республика резко разбогатела. Припортовые склады забили полностью. Привезенные готовые товары пустили в продажу. Разбогатели и граждане, сумевшие, наконец, отоварить заработанные деньги. Времена всеобщего дефицита ушли в прошлое.

После короткого двух дневного отдыха эскадра ушла к Тринидаду на заправку. Маркс и Энгельс присоединились к эскадре. Спецзавод принял с кораблей стрелянные гильзы и приступил к их снаряжению. В снаряжном цехе снова начался круглосуточный аврал.

Нарком индел Зильберман еще раньше ушел в Конкерабию на Авроре с дипломатической миссией к Верховному вождю Тетикетлю.

Наркомом Крыма вместо арестованного за участие в мятеже Лифшица назначили отозванного с Тринидада каперанга Железнова. Вместо него на Тринидад назначили наркомом вернувшегося из Европы торгпреда Ягудина.

6. Освоение Сахалина.

Верховный Совет республики решил назвать новый город, строящийся на Сахалине, Кировоградом в честь злодейски убитого контрреволюционерами члена Политбюро ВКП(б), секретаря Ленинградской парторганизации Сергея Мироновича Кирова. Бывший остров Сент-Винсент, а ныне Сахалин, расположенный почти в середине гряды Малых Антильских островов, представляет собой конус потухшего вулкана высотой 1200 метров, длиной 30 км и шириной 16 км. Большую часть поверхности острова занимают поросшие тропическим лесом отроги вулкана. Более – менее ровные поверхности располагаются у береговой черты, причем наиболее обширная равнина, а скорее просто большое, густо заросшее лесом поле шириной 2 км и длиной 4 км располагается как раз на берегу пролива, отделяющего Сахалин от Крыма, на южной оконечности острова. На дальнем конце этой плоскости, на восточном берегу острова располагалась туземная деревня.

На этом поле и спроектировали город. Проект весьма напоминал Сталинград на Тринидаде. Вдоль южного и восточного берега вырубался весь лес вплоть до туземной деревни. С западной стороны поле упиралось в гряду невысоких холмов. Из вырубленного леса в паре сотен метров от берега строилась прямоугольная в плане крепость длиной 2 км и шириной 700 метров. Крепость делилась стенами на 4 блока. В одном блоке планировалось разместить голландских мастеров с семьями, в другом – испанских мастеров, в третьем – испанских рабочих из числа военнопленных. В центре крепости в самом большом блоке размещались цеха общего завода. В нем же располагалась укрепленная цитадель, в которой расквартировывался мартигский персонал, подразделение туземной гвардии численностью две сотни бойцов и подразделение пограничной стражи в сотню бойцов.

Для обороны по углам крепости возводились башни, на которых предполагалось разместить орудия и минометы. Через каждые сто метров стены строились башни для стрелков. В дальнейшем предполагалось поменять местами трехдюймовку, установленную на северной арtpозиции Крыма со стотридцаткой, установленной на восточной арtpозиции. При этом, стотридцатка с северной арtpозиции сможет накрыть огнем весь пролив между Крымом и Сахалином и все окрестности Кировограда, даже с вышибными зарядами из черного пороха.

Первым делом на околице туземной деревни построили лагерь для размещения четырех с половиной тысяч военнопленных строителей. Жилых корпусов для них не строили, ограничились внешней оградой и парусиновыми палатками. Конвоирование и охрану пленных возло-

жили на конвойные туземные подразделения, переброшенные из Крыма вместе с подконвойными испанцами. Охрану внешнего периметра стройки поручили пограничной конной сотне. Сахалинским карибам руководство республики не доверяло. Воинов расквартировали в туземной деревне. Мужчин туземцев в ней практически не осталось. Все погибли во время нападения на Крым. Так что, туземки были довольны. Воины тоже. Вождь островных туземцев Укутепель также не возражал, его испуг еще не прошел. Побегов испанцев руководство не опасалось. Всех пленных предупредили, что остров населяют карибы, а о кровожадности этого племени испанцы были весьма наслышаны.

Технология работ была уже хорошо отработана, крепость, жилые и производственные корпуса строились быстро. Природа острова ничем не отличалась от привычной по Тринидаду и Крыму. Поражали только пляжи, засыпанные угольно черным песком, образовавшимся из вулканических пород. Хотя на южном берегу, прямо под стенами крепости пляж состоял из белого кораллового песка.

Продовольствием стройку снабжали местные племена. Укутепель свои обязательства выполнял. Лесопилка работала круглосуточно без выходных. Использование досок вместо бревен резко ускорило строительство корпусов. Погода тоже благоприятствовала. Сезон дождей закончился два месяца назад.

В двух километрах восточнее в неудобной полуоткрытой бухте пленные строили причал и дорогу от крепости к нему. В будущем в этой бухте должен был появиться город Кингстаун. Но, теперь уже не появится.

На довольно солидной речке, вытекающей из ущелья выше индейской деревни, запроектировали каскад гидроэлектростанций с турбинами, а не с водяным колесом, как в Сталинграде. Уклон ущелья позволял обеспечить достаточное давление водяной струи на лопастях турбин.

Вскоре переселили в Кировоград мастеров голландцев, за ними мастеров испанцев и испанцев – рабочих завода.

Из Конкерабии после переговоров с Верховным вождем Тетикетлем вернулся Зильберман. В подданство удалось взять только одно племя араваков, из которого получили две сотни воинов. Свое собственное племя карибов, вождем которого и был Тетикетль, он наотрез отказался передавать в подданство республики, гордо заявив, что никакого начальства над собой не потерпит. Карибы – вольное племя, и никому кроме него, подчиняться воины племени не станут. Выяснились любопытные детали, на которые раньше не обращали внимание.

Воины карибы прибыли на Тринидадад всего 12 лет назад с острова Тобаго, преодолев на лодках и плотках пролив шириной 17 миль. Высадились на северном берегу острова и напали на местное племя араваков. В бою все мужчины араваков были истреблены. Карибы присвоили себе все имущество племени, включая женщин. Племя занимало северной берег острова, отделенный от внутренней территории довольно высоким горным хребтом, с высотами до тысячи метров, заросшим непроходимыми джунглями.

Попытка карибов продвинуться через узкие проходы между берегом и хребтом была отбита объединенным войском аравакских племен, занимавших остальную часть Тринидада. В сражении карибы понесли большие потери и на этом временно успокоились. Однако, до сих пор женщины племени говорили в основном на аравакском, а мужчины – на карибском языке.

Через несколько лет на остров в очередной раз напали материковые индейцы. Карибы пришли на помощь аравакам, причем проявили себя в бою с самой лучшей стороны. После этого, вожди племен острова выбрали Тетикетля военным вождем, а после отражения еще одной атаки с материка – и Верховным вождем, признав вассальную зависимость от Тетикетля.

Несмотря на все дипломатические ухищрения Зильбермана, Тетикетль наотрез отказался идти в подданство республики, хотя и согласился остаться вассалом. Зильберман предупредил Мещерского, что Тетикетль весьма не доволен тем, что все аравакские племена острова

ему больше не подчиняются. Пока что, он боится пришельцев, но при первом же удобном случае может ударить в спину. В будущем это станет проблемой. Тем более, что перспективные месторождения железной руды и серы как раз находятся на территории Тетикетля.

Прибывших с Зильберманом воинов перебросили на Сахалин. Пограничную сотню вернули в Крым. Командиром туземных конвойных войск, вместо убитого Спиридонова, назначили вернувшегося из Европы старшего сержанта Загоскина, хорошо зарекомендовавшего себя во время похода в Антверпен. Ему и поручили обучать новых бойцов.

Судья Тараторкин закончил расследование дела о мятеже и отчитался перед Верховным Советом. В заговоре непосредственно участвовали погибшие Круминыш, Ягодин, Спиридонов, а также Председатель Верховного суда Замилацкий и нарком острова Крым Лифшиц. Остальные участники просто исполняли приказы вышеперечисленных лиц. Верховный Совет снял Замилацкого и Лифшица со всех постов, разжаловал в рядовые, понизил им гражданскую категорию до граждан бпг и направил на общий завод командовать цехами обувщиков и портных. Тараторкина назначили Верховным судьей, членом Верховного суда – секретчика старшину Тарасова. Сержанта Вепринцева оставили членом суда. Конвойника младлея Штешина назначили командиром туземных погранвойск.

18-го февраля эскадра республики вернулась из Сталинграда, заправившись горючим и загрузившись продовольствием. Экипажи приступили к погрузке боеприпасов. Командиры кораблей получили от Главкома разработанный штабом план атаки города и порта Санто-Доминго. После погрузки экипажам предоставили три дня отдыха. Обратным рейсом с Тринидада эскадра перевезла тысячу пленных, ранее переданных в аренду подданным племенам.

Для граждан второй категории устроили смотрины испанских вдов, привезенных из Сан-Хуана. По окончании рабочего дня, за длинными накрытыми столами разместили с одной стороны мартийцев, а с другой – испанок. Столы ломились от закусок, сладостей и фруктов. Республика теперь могла обеспечить своим гражданам самый настоящий пир. Нормировалось только спиртное: вдовам по двести грамм сладкой фруктовой двадцатиградусной наливки, мартийцам – по сто пятьдесят граммов водки. Вдов в Сан-Хуане отбирали по трем критериям: возраст не более 25 лет, количество детей не более трех, плюс внешняя привлекательность, хотя последний критерий был явно субъективным.

Запустили через репродукторы легкую музыку. Не прошло и получаса, как за столами началось веселье. Все мартийцы уже знали по сотне – другой испанских слов, так что языкового барьера не было. Через час после начала банкета запустили танцевальную музыку, распорядитель банкета объявил танцы. Испанки быстро освоили вальс. В ярком свете керосиновых ламп на плацу закружились пары. Жаркий тропический вечер и выпитый танцорами алкоголь горячили кровь.

Как известно, привлекательность женщин зависит от количества выпитого в соответствии с математической функцией, именуемой гиперболой. То есть, непосредственно перед выпадением субъекта в «осадок», привлекательность объекта стремится к бесконечности. Полноправным гражданам до выпадения в осадок оставалось еще далеко, тем не менее, сидеть за столом не пришлось ни одной из вдовушек. Как это ни странно, обошлось без конфликтов. Танцы продолжались до отбоя. Потом парочки разбрелись по комнатам.

С утра нарком острова Крым Железнов с писарем приступили к регистрации браков. Трудились весь день. Все рядовые граждане республики обзавелись вторыми женами и детьми. Все вдовы граждан, погибших при подавлении мятежа, тоже вышли замуж. На следующий день по требованию испанок, пары, все скопом обвенчал пастор из пленных.

Два десятка испанок остались сверхкомплектными. Ближайшим рейсом Авроры их отправили в Сталинград. Тамошние мартийцы тоже получили по второй жене. Наконец, обзавелся второй женой и сам Предсовнаркома. Аймуяль очень просила мужа за свою старшую сестру Аолиянь, оставшуюся вдовой после смерти Круминыша. Николай Иосифович пошел

навстречу молодой жене. Оставаться единобрачным и дальше становилось не солидно. Все граждане республики уже имели по две жены, а некоторые и по три. Теперь сестрицы принялись вить веревки из Главкомандующего уже вдвоем. Устоять против двух молоденьких чертовок сорокапятилетнему мужику было совершенно невозможно.

Общественная жизнь в городе была в эти три дня ключом. Комсомольцы провели собрания по вновь образованным подразделениям и выбрали комсоргов. Мамлея Скрипко избрали комсомольским секретарем спецзавода. Затем созвали конференцию комсомольской организации республики, по рекомендации Политбюро секретарем организации выбрали директора школы лейтенанта Курочкина.

Провели общее собрание партийной организации республики. Выслушали отчет Политбюро, одобрили «Трехлетний план». Ввели поправки в устав, разрешающие в партии свободу дискуссий и образования фракций. Исключили из партии мятежников Лифшица и Замилацкого. Бывшим сексотам Замилацкого за сделанные против руководства республики доносы объявили выговора с занесением в учетные карточки.

Вместо выбывшего по причине смерти Круминьша в Политбюро выбрали боцмана Влазнева. По рекомендации Мещерского, коммунисты единогласно избрали его новым Генеральным секретарем. Сам Пантелей Кондратьевич при этом воздержался. Такой уж он был человек. Всегда норовил пойти поперек мнения начальства. За это его в экипаже и уважали. В оргсектор организации вместо исключенных из партии Лифшица и Замилацкого выбрали старшину Сапрыкина и фельдшера Пантюхина.

Наконец, перед отходом эскадры на общем собрании народа республики в Верховный Совет вместо назначенного наркомом внудел боцмана Шнурко выбрали старшину Лукошкина из службы химзащиты. Народ единодушно одобрил принятый Верховным Советом «Трехлетний план развития республики».

С раннего утра и до позднего вечера в жилой зоне мартийцев теперь звенели детские голоса. Мещерский озадачил Шнурко, дополнительно ко всему прочему, строительством детской игровой площадки, для чего требовалось расширение территории крепости. Объем работ, выполняемых оставшейся в Ленинграде тысячей пленных испанцев, резко возрос, хотя они и завершили, наконец, строительство кольцевой дороги.

Требовалось перестроить освободившиеся цеха общего завода под новые лаборатории наркомата науки. На старом месте в наркомате оставалась только лаборатории взрывчатых веществ и капсулей.

Требовалось расширить территорию спецзавода под конструкторское бюро и под второй комплект станков, изготовлением которых занимался завод. Требовалось построить зону и корпуса цеха цветной металлургии. В восточной бухте рядом с туземной деревней начали строить судоверфь.

Два освободившихся лагеря военнопленных перестраивались под жилые зоны голландских и испанских мастеров. Двухэтажные нары в корпусах разбирались, помещения разгоразживались на стандартные пятнадцатиметровые комнаты.

На обнаруженном горным мастером Юргеном Велтманом в холмах вблизи мелководной северной бухты месторождении кораллового известняка разрабатывался карьер по добыче строительного камня. Пористый известняк легко резался ручными пилами на стандартные блоки и отлично подходил для строительства зданий. Кроме того, продолжалось строительство причалов и припортовых складов.

В последней декаде февраля все производство с общего завода перевели в Кировоград. В помещениях завода остался только столярный участок, занятый изготовлением мебели. Кирпичное и гончарное производство в Крыму значительно сократили в объемах в связи со скорым исчерпанием запасов древесины в Крыму.

Расширялась школьная зона. Вновь прибывших испанских детей старше десятилетнего возраста тоже решили направить в школу. В учебной зоне строились учебные корпуса на 25 классов по 30 человек, а также жилые корпуса интерната для учащихся.

Первые супруги мартийцев – туземки начали выходить в декретные отпуска. Как и положено по КЗОТУ, за два месяца до родов. Забота о здоровье будущих граждан республики превыше всего. Нарком здравоохранения категорически запретил будущим матерям работать. В результате, в пищевом и бытовом блоках образовался дефицит рабочих рук.

Совнарком решил построить отдельную зону для размещения детских садов и яслей, чтобы освободить большую часть испанок от ухода за детьми и привлечь их к общественно полезному труду. Организацию детских дошкольных учреждений поручили наркомату образования.

Под этот объем работ из Сталинграда была переброшена одна тысяча испанских пленных.

Продолжали на работать кирпичный и гончарный заводы, а также лесопилка, на которых трудился военнопленный комсостав. На Сахалине Велтман также нашел месторождение известняка, пригодное для добычи камня в промышленных масштабах, в двух километрах к северо-западу от города. Рядом решили строить печи для выжигания извести.

Еще в пяти километрах к северу, в отрогах вулкана рудознатец Йерун Грефф нашел вулканический туф, пригодный, в смеси с негашеной известью, для изготовления цемента. Рядом с печами для отжига на берегу речки начали строить мельницы для приготовления цемента, с приводом от водяных колес. Добыча известняка и производство цемента и позволят полностью решить вопрос возведения каменных построек. Пленным каменщикам – испанцам открывался огромный фронт работ.

23-го февраля, в День Красной Армии и Флота, эскадра в составе флагмана Марти и восьми паровых парусников вышла из порта в набег на Санто-Доминго.

7. Набег на Санто-Доминго.

Планируя атаку Санто-Доминго, Главное командование вынуждено было отказаться от идеи полного окружения города и тщательного просеивания его населения, столь успешно проведенного в Сан-Хуане. В отличие от последнего, город Санто-Доминго располагался в устье крупной реки, и имел размеры примерно 2,5 километра по берегу моря на 1,5 километра в глубину острова. Соответственно, длина стены, ограничивающей периметр города, превышала 5 километров. Наличными силами блокировать такую стену не представлялось возможным. Редкая цепочка бойцов туземной гвардии неизбежно подверглась бы в этом случае атакам, как со стороны города, так и снаружи, что привело бы к существенным потерям. Жертвовать даже бойцами – туземцами командование не считало возможным. Вооруженные силы республики все еще были слишком малочисленными.

Переход эскадры к Санто-Доминго занял без малого четверо суток. К порту вышли в 10 часов утра. К цели подошли с востока, прижимаясь к берегу, насколько это позволяли глубины. В семи милях от порта Марти дал полный ход, отрываясь от парусной эскадры. С такого расстояния его уже могли заметить из города. До города долетели за 25 минут. В бинокли было видно, как население кинулось по узким улочкам к двум городским воротам, надеясь покинуть город. На всех улицах тут же образовались завалы из телег, карет и всевозможных повозок. Народ бросился спасаться, перелезая через завалы налегке. Республиканская разведгруппа, загодя предупрежденная по радио, покинула город со всем имуществом за три дня до подхода эскадры.

Поравнявшись с портом, Марти сходу разгромил главным калибром две деревоземляные крепости, построенные испанцами по обе стороны от устья реки. Это заняло не более получаса. В очередной раз оружие 20-го века продемонстрировало полное превосходство над ору-

жием века 16-го. Пушки крепостей успели дать по одному залпу, не причинившему никакого вреда. Обе крепости заволокло дымом и пылью. Подтянувшиеся к этому времени парусники эскадры рассредоточились вдоль берега и принялись громить артиллерией город. Порт и портовые склады, расположенные по обоим берегам реки, обстрелу, естественно, не подвергались.

На правом берегу реки к портовой зоне примыкали кварталы административных зданий и жилые кварталы аристократии. По ним и наносился основной удар. Задача обезглавливания испанской колонии оставалась одной из приоритетных. Марти работал главным калибром самодельными снарядами, трехдюймовкой и шестью минометами. Причем два миномета были экспериментальными, калибра 120 мм. Ему помогали трехдюймовка и миномет с борта Ленина. Не обстреливали только церковь.

На левом берегу к портовой зоне примыкали жилые кварталы ремесленников. Чуть дальше к городской стене располагались их мастерские. По ним и велся обстрел. С пяти парусников работали трехдюймовки и минометы. Снарядов и мин не жалели. Промышленность вполне освоила их выпуск.

Маркс и Энгельс под прикрытием ураганного артогня остальных кораблей вошли в реку. У пристаней стояли десятка полтора небольших парусников. Экипажи с них сбежали в город еще в самом начале артобстрела. Редкие попытки сопротивления в виде единичных выстрелов из аркебуз и арбалетов с пристаней подавлялись огнем сорокапятков и ручных пулеметов. Патроны, согласно директиве Главкома, не жалели. Каждого стрелка прижимали пулеметным огнем, затем расстреливали из пушки.

План операции предусматривал изоляцию портовой зоны и кварталов ремесленников от остальной территории города артиллерийским огнем. Между изолируемой зоной и примыкающими к стенам кварталам бедноты должна была быть создана зона сплошных разрушений не менее ста метров шириной. Весь промышленный потенциал города и все городское начальство оказывалось в этой зоне.

Известие о разгроме Сан-Хуана, конечно же, дошло до администрации города. Но, алькальд и магистрат не предполагали, что пришельцы нанесут удар так быстро. Все же, от их логова до Санто-Доминго было полтысячи миль. И между ними располагались и другие испанские поселения.

Через час канонада прекратилась, корабли израсходовали 80% боезапаса, как и было предписано командованием. Город горел. «Классики» пришвартовались к причалам и приступили к высадке десанта – семи сотен бойцов туземной гвардии. Десантники повзводно занимали здания на границе разрушенной зоны. Сопротивления никто не оказывал. Жители уже знали, что в Сан-Хуане после окончания артобстрела пришельцы никого не убивали, а вояки уже побросали оружие и разбежались. Отдельных религиозных фанатиков, настропаленных попами насчет слуг антихриста, быстро отстреляли. Да и было их не много. Туземцы потренировались в стрельбе из луков по живым мишеням.

Марти подошел к устью реки на два кабельтова, насколько ему позволила осадка, и включил все внешние громкоговорители. Штатный диктор Подригин снова и снова зачитывал обращение командования к жителям. Всё оружие предписывалось сложить у разрушенных крепостей. Военным приказали без оружия собраться в трех городских церквях.

Двумя взводами при ручных пулеметах гвардейцы заняли двое городских ворот. Бедноту с ручной кладью выпускали беспрепятственно, лошадей и повозки – не выпускали совсем. Состоятельных с виду граждан не выпускали тоже, их сажали под арест до выяснения личности. Попытки споров пресекали жестко. Впрочем, массы народа перелезали через стены и перебрасывали свое барахло. Им не препятствовали.

Гвардейцы приступили к тушению пожаров, не давая огню распространиться на территорию складов. К этому же привлекли и военнопленных. К вечеру пожары, в основном, потушили. Все парусники эскадры вошли в реку и бросили якоря на фарватере. Занятую террито-

рию осветили прожекторами с кораблей и выносными прожекторами Друммондова света. Из периметра охраняемой зоны не выпускали никого. В кварталы бедноты десантники не заходили. Впрочем, после окончания артобстрела и до вечера практически все жители, оказавшиеся за периметром, сбежали из города.

С утра мартийки приступили к вдумчивому грабежу складов и переписи ремесленного населения. Мало кто из ремесленников успел сбежать. Парусники поставили к причалам под погрузку.

В республике, между тем, жизнь шла своим чередом. Совнарком утвердил генеральный план развития Ленинграда, разработанный голландским и испанским архитекторами под общим руководством лично Председателя Совнаркома. По плану, главная улица города длиной три с половиной километра пролегла от западной бухты к мелководной центральной бухте на восточном берегу. Вдоль главной улицы располагались административные здания и жилые дома полноправных граждан республики. На двух параллельных улицах – дома граждан бпг и подданных.

В приложении к генплану утвердили максимальные размеры домов и участков для каждой категории граждан. Граждане бпг могли иметь одноэтажные дома из шести комнат, включая хозяйственные и бытовые помещения, а граждане шестой категории – двухэтажные дома из шестнадцати комнат. Простые подданные могли строить дома из четырех комнат. Архитектору поручили разработать типовые проекты домов для каждой категории граждан. Все постройки на участках должны быть обязательно каменными.

Феодалные архитекторы спроектировали настоящий социалистический город будущего. С одним важным отличием. Мещерский категорически настаивал на отказе от многоквартирных домов, мотивируя это тем, что никакого дефицита площадей и строительных материалов в республике нет и в ближайшее время не предвидится. Сумел убедить в этом Верховный Совет и Совнарком, хотя некоторые члены, особенно молодые, настаивали на многоквартирных домах. В проекте многоквартирные корпуса предназначались только под общежития холостых подданных, ну и для желающих граждан, конечно. Насильно загонять граждан в индивидуальные дома никто не собирался.

КБ завода при участии штурманов разработало эскизный проект водопроводной, канализационной и водоотводной систем, электрической и телефонной сетей города. Все здания планировалось подключить ко всем инженерным сетям.

В городе запроектировали Дворец культуры, детские сады, школу, стадион и парк. Улицы решили замостить плитами известняка. При отсутствии морозов такое покрытие могло служить долго.

Из Сталинграда прислали радиogramму о приходе немецкого корабля с письмом от губернатора Венесуэлы. Капитан корабля имел указание дожидаться ответа. Корабль задержали в Сталинграде. Очередным рейсом Кирова письмо доставили Мещерскому. Губернатор приглашал на встречу к себе в резиденции в Маракайбо. Предсовнаркома в ответном письме предложил губернатору прислать для переговоров полномочного представителя в Сталинград. Посылать представителя в Маракайбо сочли уроном для престижа республики. Авторитет после разгрома испанского флота был заработан не малый. Киров увез ответ в Сталинград.

На совещании с наркoмами индел Зильберманом и внешторга Дружковым решили на будущих переговорах предложить немцам заключить договор о взаимном ненападении и торговле. Первоочередной задачей признали получение от немцев натурального каучука за серебро. Военный союз пока не предлагать. В дальнейшем, за военную защиту против испанцев от немцев предполагалось получить нечто существенное. На этом же совещании функции внешней разведки решили передать из ведения НКВД в наркоминдел.

В Санто-Доминго эскадра действовала по отработанной в Сан-Хуане схеме. Шесть сотен уцелевших дворян, солдат и моряков взяли в плен. Ремесленников переписали. С собой взяли

только мастеров оборонных специальностей. Портных, сапожников и прочих скорняков уже набрали достаточно. Удалось найти двух оружейников, пятерых кузнецов, трех корабельщиков, архитектора, пятерых строителей, пороховщика, ювелира, горного мастера, двух аптекарей и одного врача. Всего с подмастерьями и семьями – 290 человек. Двух врачей поплоче оставили в городе для помощи раненым местным. Взяли, также, две сотни молодых вдов для граждан от третьей до шестой категории.

На складах обнаружилось большое количество металлов: 170 тонн серебра, 950 тонн бронзы, 1900 тонн меди, 600 тонн олова, 1100 тонн свинца. Кроме того, в городе собрали почти триста тонн железа в виде пушек, ядер, оружия и инструмента. К сожалению, не обнаружили золота. Допрос пленных показал, что покойный алькальд успел вывезти золото из города в неизвестном направлении. Зато, обнаружили почти десять тонн платины. Испанцы ее совсем не ценили, считая вдесятеро дешевле серебра. А для республики платина была гораздо ценнее золота, поскольку годилась для изготовления нитей накаливания в электрических и радиолампах.

После загрузки металлов в трюмы грузоподъемность всех кораблей эскадры была почти полностью исчерпана, поэтому часть трофеев перегрузили на восемь трофейных парусников. К сожалению, все они были небольшими, водоизмещением порядка сотни тонн. На батарейные палубы приняли четыре сотни лошадей и всех людей. Погрузили несколько самых лучших повозок и много тележных колес. Колеса сняли со всех обнаруженных в городе повозок. На известковые карьеры требовался в большом количестве гужевого транспорта.

На верхние палубы загрузили дерево ценных пород, пригодное для постройки кораблей. Вообще, дерево занимало основной объем портовых складов. Помимо металлов, красное дерево было основным объектом вывоза из Вест-Индии.

Марти войти в реку осадка не позволила, потому для его загрузки пришлось гонять малые корабли эскадры: Варяга, Свердлова и Чапаева. Минные трюмы загрузили железом и свинцом, минную палубу – древесиной. Погрузка заняла целых пять дней.

***

26-го февраля вице-король Новой Испании Антонио де Мендоса получил срочное послание губернатора Антильских островов об уничтожении пришельцами Непобедимой Армады Вест-Индии. Известие настолько невероятное, что вице-король ему не поверил и решил дождаться подтверждения. Но, 4-го марта пришло известие о разгроме города и порта Сан-Хуан. Письмо было подписано главой купеческой гильдии города. Губернатор и вся городская власть погибли. Пришельцы безжалостно разграбили город и сожгли его.

Власть испанской короны в Вест-Индии оказалась в смертельной опасности. Вице-король написал послание королю Испании, императору Священной Римской империи Карлу-V с изложением последних событий и просьбой о немедленной помощи всеми силами империи. К письму приложил последние донесения о разгроме непобедимой Армады и города Сан-Хуана. Письмо продублировал в трех экземплярах и отправил в Веракрус с приказом алькальду города отправить с письмами в метрополию три самых быстроходных корабля по разным маршрутам.

Затем распорядился направить во все порты Новой Испании приказы о подготовке прибрежных городов к обороне и эвакуации ценностей в глубину территории. Все оставшиеся более – менее крупные корабли, водоизмещением больше ста тонн, приказал стянуть в самый укрепленный порт Карибского моря – Веракрус. Туда же приказал стягивать войска и артиллерию из материковой Мексики.

***

5-го марта эскадра вышла из порта. Корабли сидели в воде почти по самые пушечные порты. Каждый парусник вел на буксире еще один загруженный до упора корабль. Марти шел без прицепа, поскольку выполнял функцию охранения каравана. За кормой густо дымили пожары.

Все склады и портовые сооружения перед отплытием подожгли. Ценной древесины там осталось еще очень много, и горела она хорошо.

Набег прошел успешно. Все поставленные задачи эскадра выполнила. Самый крупный порт на Антильских островах разгромлен. Дворянская верхушка уничтожена или взята в плен. Промышленный потенциал города уничтожен. Взято трофеев столько, сколько эскадра смогла поднять. Потери – минимальны: в стычках с местными погибли четверо гвардейцев, пятнадцать получили ранения.

В республике, между тем, на новом месте на Сахалине начали работать цеха общего завода. В химической лаборатории изготовили первые образцы медных капсюлей с гремучей ртутью, снарядили зарядами первые самодельные гильзы трехдюймового калибра. На северной и западной артпозициях поменяли местами стотридцатку и трехдюймовку.

Рудознатец Грефф нашел на южной оконечности Крыма чистый кварцевый песок. В химлаборатории получили из морских водорослей соду, необходимую для производства стекла. Из песка, извести и соды стеклодел Хоофт выплавил первую партию стекла, пригодного для производства посуды. С Тринидада привезли первую группу десятилетних подростков численностью 160 человек. Начальная школа – интернат начала работать.

Нарком индел Зильберман посетил Табаго и Гренаду и провел переговоры с местными туземцами. Испанские гарнизоны на обоих островах отсутствовали. Безопасность переговоров обеспечивал взвод погранвойск при ручном пулемете и артиллерия с борта Кирова. К счастью, обошлось без стрельбы. Туземцы Тобаго поддерживали контакты с Тринидадом, до которого было всего 16 миль, и знали возможности пришельцев.

На Тобаго обнаружилось три отдельных племени карибов. Удалось выяснить, что первая группа карибов прибыла на остров с материка около 40 лет назад, и разгромила одно из местных племен араваков. Присвоив женщин и имущество побежденных, расплодившиеся карибы 16 лет назад захватили и два других живших на острове аравакских племени. Однако, при этом сами понесли значительные потери, был убит и вождь карибов. В итоге, все три образовавшихся племени стали самостоятельными и в настоящее время враждуют между собой. С одним из вождей Зильберман и провел переговоры. В подданство вождь идти категорически отказался, насчет вассалитета обещал подумать и посоветоваться с шаманом.

На Гренаде обнаружилось одно племя карибов и четыре племени араваков. Карибы прибыли туда около 20 лет назад и сразу захватили одно из местных племен, перебив всех мужчин и мальчиков, за исключением грудных младенцев. Остальные три племени араваков сумели объединиться, выбрали военного вождя и дали отпор захватчикам. В состоянии вялотекущей войны племена находятся и сейчас. Однако, карибы постепенно усиливаются, и в дальнейшем, по оценке наркома индел, смогут захватить весь остров. Переговоры Зильберман вел с одним из вождей араваков. О пришельцах вождь ничего не знал. Все же от Тринидада до Гренады было почти 70 миль. В вассалы пойти вождь предварительно согласился, однако, захотел посоветоваться с другими вождями. Грозящую им опасность со стороны карибов и испанцев вождь вполне осознавал.

Перспективы взятия под свой контроль Гренады и Тобаго Мещерский обсудил с Зильберманом, Шнурко и наркомами торговли. Участвовал и выздоравливающий Главком Сокольский, хотя, его раненая рука все еще висела на перевязи.

– Никаких выгод от взятия под свое крыло Тобаго я не вижу. Всю территорию острова занимают довольно крутые горы, удобных бухт нет. Полезных ископаемых, по нашим данным, там тоже нет. Как вассалы, карибы не надежны. Наоборот, сейчас карибам на Тобаго уже тесно. Могут учинить агрессию на Тринидад. Особенно, если Тетикетль к ним обратится с такой просьбой. А он тоже кариб и тоже не надежен, – заключил Зильберман свой отчет о дипломатической разведке на Тобаго.

– И какие рекомендации у тебя для нас? – осведомился Мещерский.

– Думаю, нужно направить туда небольшой отряд туземной гвардии и спровоцировать карибов на нападение. А затем в ответ сровнять с землей все их поселения. После этого они еще лет двадцать про Тинидад думать не будут, по причине своей слабости.

– Ну, это не по-нашему, не по коммунистически как-то. Так бы покойный Круминьш поступил, – возразил нарком внулел Шнурко.

– Критика твоя понятна, а что ты сам предлагаешь?

– А пусть они сами между собой рубятся. Как я понимаю, главного вождя у них там сейчас нет. Все три племени самостоятельны. Заключим с одним из них вассальный договор, передадим ему немного испанского оружия, и скажем, что хотим видеть его верховным вождем острова. А дальше он сам другие два племени завоюет. При этом численность воинов сильно сократит. И сам потери понесет. Потом заселим остров нашими подданными араваками. И все дела! – Предложил Шнурко.

– Ну ты, Никита Фадеич, прямо Маккиавели у нас, – поддержал Зильберман. – А еще про меня говорят, будто я хитрый еврей! В вассалы нужно взять самое слабое племя, чтобы у него потери побольше были.

– Никакой такой маккиавели я не знаю, но, там, где хохол прошел, еврею делать нечего, – отшутился Шнурко.

– Быть по сему! Самуил Исакович! На тебе вся подготовка операции. Шнурко и Сокольский помогут советом. А что по Гренаде?

– Там все просто. Берем араваков в подданство, подкидываем оружия и обучаем войско. Затем они провоцируют карибов на нападение, и с нашей артподдержкой разбивают их в пыль. Потом останется разбежавшиеся остатки в лесах выловить, и остров наш.

– Там отличная бухта есть. В ней потом город Сент-Джорджес должен был появиться. На его месте поставим свой порт и город, – дополнил Сокольский.

– На острове достаточно ровных площадок, климат лучше, чем на Тринидаде, меньше болот и всяких лихорадок. Там можно будет сосредоточить все сельхозпроизводство. Второе ближе, чем с Тринидада, скоропортящиеся продукты возить, – развил идею нарком торг Игнатьев.

– А в порту сосредоточим всю внешнюю торговлю. И с немцами, и с испанцами, после того как помиримся. Да и голландцы с англичанами, и французы подтянутся за нашими товарами. В этом порту иностранцы ничего секретного не увидят, – поддержал нарком внешторг Дружков.

– Принимается, товарищи. Очень все логично получается. В Крыму у нас столица и все секретные производства, на Сахалине – общие заводы, на Гренаде – житница и внешняя торговля, на Тринидаде – нефтедобыча, нефтепереработка, и железорудный рудник откроем, как только Грефф месторождение найдет. Решено!

Самуил Исакович! Как вернется эскадра, выделяю тебе под эти нужды Варяга. Остальные товарищи тебе выделяют вооруженные силы. Заодно, прикроешь во владениях Тетикетля на Тринидаде геологоразведку Греффа. А если вождь какую-нибудь пакость нам устроит, тем лучше, разгромим его племя к чертям собачьим, а остатки местные араваки сами выловят. И проблемы с карибами на Тринидаде у нас не будет! Но, постарайся, чтобы сам Грефф не пострадал! Похоже, специалист он хороший. Быстро нам известняк и туф для цемента, и песок кварцевый для стекла нашел.

8. Разгром Веракруса.

Вернувшуюся из Санто-Доминго эскадру встречали с большой помпой. Оно того стоило. Республика наложила лапу на все богатства, награбленные испанцами в Вест-Индии за полгода. Парусники поставили под разгрузку к только что построенным причалам. Марти разгружался на рейде. Причал для него все еще строился. На митинге Предсовнаркома объявил, что всей

эскадре предоставляется пятидневный отдых, чем вызвал глубокое удовлетворение всех моряков, а тем более, их многочисленных жен. После прошлой операции отдыхали всего три дня.

Взятых мастеров распределили по рабочим местам, пленных перевезли на Сахалин. С борта Марти в жилую зону переправили испанских вдовушек. Республиканские начальники с нетерпением ожидали смотрин. Как говорится: две жены – хорошо, а три – лучше! За время перехода от Санто-Доминго до Ленинграда комсостав Марти уже присмотрел себе испанок.

Самому Мещерскому командор эскадры Звягинцев, естественно, подобрал самую красивую вдовушку – дворянку донью Хуаниту, стройную кареглазую брюнетку с осиной талией и крупной грудью, двадцати двух лет от роду с двумя пацанятами двух и четырех лет. К сожалению, стройность ног оценить было невозможно, по причине избыточной длины платьев у испанок. После митинга представил Хуаниту Николаю Иосифовичу. Ему испанка понравилась.

Не забыл Звягинцев и друзей: Веденева, Сокольского, Жердева и Вострикова. Им тоже подогнал по симпатичной испаночке. Граждане пятой категории: наркомы и члены Верховного Совета не преминули воспользоваться служебным положением и присмотрели себе испанок сразу же после выгрузки. Мещерский и Востриков не препятствовали, у самих рыльце было в пушку.

На третий день по прибытии эскадры, как раз на воскресенье и был назначен банкет – бал – смотрины. Использовали опыт, приобретенный при раздаче вдов, взятых в Сан-Хуане. Все прошло гладко. Начальники вдоволь попили, поели, поплясали и станцевали себе по третьей жене. На следующий день всех зарегистрировали и обвенчали. Нескольких, оказавшихся сверхкомплектными вдов, взяли себе четвертыми женами граждане четвертой и пятой категорий.

Николай Иосифович познакомил Хуаниту с Аймуаль и Аолиянь. Обе его юные женушки уже были в декретном отпуске: Аймуаль на восьмом месяце, Аолиянь на девятом. Проблем в общении не возникло. По паре сотен испанских слов девушки уже знали, поскольку в бытовых блоках города работало много испанок. Дамы быстро нашли общий язык. Мать двоих детей Хуанита, ввиду предстоящих индианкам родов, могла много посоветовать. Индианки начали учить Хуаниту русскому языку.

После отбоя Николай Иосифович оценил по достоинству прелести бывшей вдовы. Остался более чем доволен. Все-таки, юная дева и зрелая женщина – это две большие разницы. Особенно впечатлили яркий темперамент и роскошные груди вдовы. Мальцы – сорванцы Педро и Санчес Мещерскому тоже понравились. Угостил их фруктами и сладкими печенюшками и сразу был признан своим. В понедельник резко выросшему семейству пришлось перебираться в шести комнатный блок, давно выделенный Председателю Совнаркома республикой. Раньше до этого все руки не доходили. Каждой жене – по комнате, общая гостиная, кабинет и спальня главе семейства.

***

Вице-королю Антонио де Мендоса доставили подробный отчет о нападении пришельцев на Сан-Хуан, составленный главой купеческой гильдии города. Оставшись старшим должностным лицом разгромленного города, глава догадался собрать свидетельские показания, обобщил их и направил вице-королю. Отчет главы, наконец-то, предоставил конкретные сведения о вооружении и тактике действий пришельцев. Раньше приходилось довольствоваться исключительно домыслами и слухами.

Для анализа полученных сведений вице-король привлек нового командующего флотом Родриго де Кордива и нового командующего армией Пабло де Эскобара.

Эскадра пришельцев состояла из железного корабля и восьми трофейных парусников. Парусники пришельцы переделали по своему: срезали все украшения, срубили бизань мачты, убрали все пушки и задраили пушечные порты. На месте бизань мачты поставили две высокие и тонкие дымовые трубы.

На палубе каждого парусника пришельцы поставили всего по одной пушке и по одной мортирке. Несмотря на малый калибр, ядра пушек и мортирок имели большую разрушительную силу, а их скорострельность превосходила всякое воображение – не менее пяти выстрелов в минуту. Одна их пушка имела скорострельность, равную двухсот пушечной батарее. Кроме того, пушки пришельцев имели немислимую точность и дальнбойность. С дистанции в одну милю они умудрялись попадать точно в пушечную амбразуру крепости.

Огромный железный корабль был вооружен всего четырьмя пушками и четырьмя мортирками. Однако, две пушки, установленные на баке корабля, имели значительно больший калибр. Мощность их ядер была поистине дьявольской: одно единственное ядро полностью уничтожило крепостную башню вместе с установленными на башне пушками.

Корабли пришельцев ходили против ветра со скоростью порядка десяти узлов и чрезвычайно быстро маневрировали. По мнению командующего флотом Родриго де Кордива, их скорость и маневренность в сочетании с мощностью артиллерии делала абсолютно безнадежной любую попытку сражаться с пришельцами в открытом море. Единственным выигранным вариантом признали заманивание кораблей пришельцев в тесную гавань. Там их можно будет запереть и задавить численным превосходством в артиллерии. То есть, нужно подготовить артиллерийскую засаду, дожидаться входа вражеских кораблей в бухту, а затем расстрелять их в упор массированным пушечным огнем.

Однако, на суше возможности пришельцев были гораздо скромнее. Сначала они разгромили артиллерией все крепости, все оборонительные сооружения и все казармы. Затем высадили в город десант из полутысячи индейцев, вооруженных трофейным испанским оружием и доспехами. Захватчики перерезали перешеек, соединяющий город с сушей, а затем провели обыск города и вывоз ценного имущества и людей. Попытку прорыва из окружения они отбили с помощью скорострельных аркебуз, делающих десятки выстрелов в минуту. Но, таких аркебуз у них было не много.

Обыск города проводили группы из двух десятков индейцев под командованием одного пришельца и одного испанца. Причем испанцы служили пришельцам верой и правдой. Несколько предателей свидетели опознали. Они входили в экипажи кораблей бесследно пропавшей эскадры дона Бардакса.

А вот это уже было интересным. Командующий армией Пабло де Эскобар предложил попытаться, прежде всего, захватить хотя бы одного пришельца в плен. На худой конец – испанца или даже индейца из поисковых групп. Это было признано вполне возможным. Командующий армией предложил подготовить засады из полусотни арбалетчиков и полусотни мечников. Внезапно напасть на поисковую группу туземцев, большинство перебить, а пришельца и испанца обязательно взять живьем. Затем максимально быстро вывезти пленных из города. Кроме того, следовало попытаться забросить к пришельцам шпионов под видом пленных солдат.

Вице-король был уверен, что разгромом армады и Сан-Хуана пришельцы не удовлетворятся. Захватив безоговорочное господство на море, они просто обязаны атаковать другие испанские порты.

Ловушку кораблям пришельцев можно устроить в любом порту, расположенном в закрытой бухте с узким выходом в море. Таковыми портами в Вест-Индии являлись Санто-Доминго, Гавана, Сантьяго-де-Куба и сам Веракрус. Если не победить, то, по крайней мере, сбить с пришельцев спесь следует попытаться. А во время прочесывания пришельцами города можно будет устроить засаду на поисковую группу и взять пленных.

То, что пришельцы вывезли из Сан-Хуана всех мастеров и многих вдов с детьми, а также то, что они использовали в войсках местных туземцев и пленных испанцев, давало обильную пищу для размышлений. Интересным было и то, что пришельцы сняли с железного корабля большую часть артиллерии. Но, анализ этих обстоятельств вице-король оставил на потом.

Антонио де Мендоса приказал командующим срочно подготовить соответствующую директиву алькальдам городов и командирам гарнизонов. На следующий день подписанные Антонио де Мендоса и командующими директивы с курьерами ушли в Веракрус, а оттуда во все порты Вест-Индии.

***

На очереди, согласно утвержденным стратегическим планам руководства республики, был крупнейший порт Новой Испании – Веракрус, через который вывозились все товары, награбленные испанцами в Мексике. Города Сантьяго-де-Куба и Гавану решили оставить на потом, поскольку в Веракрусе добыча обещала быть самой богатой. А давать время испанцам на эвакуацию мастеров и ценностей было бы ошибкой.

Отгуляв предоставленный отпуск, эскадра республики ушла на заправку в Сталинград. Варяг с наркомом индел на борту пошел на Гренаду.

Перед отплытием Варяга Мещерский имел беседу с Зильберманом. Согласовали директивы на переговоры с туземцами Гренады и Тринидада. А заодно обсудили планы ведения внешней разведки.

Анализ возможности морской блокады Новой Испании, проведенный Веденевым, показал ее полную бесперспективность. Для того, чтобы блокировать весь пояс пассатных ветров, пролегающий вдоль экватора от 25-ти градусов до 10-ти градусов северной широты, по которому шли в Вест-Индию корабли из Европы, требовалось непрерывно держать в море не менее полусотни кораблей. А с учетом их сменяемости требовалась целая сотня.

Вариант с блокадой важнейших портов требовал наряда в двадцать кораблей, что тоже было не реально. Единственным выходом из ситуации штаб признал ловлю испанских кораблей на выходе из портов. После перехода через океан испанские корабли обязательно заходили в порты Антильских островов для починки и пополнения припасов. Если забросить во все порты по разведгруппе, то они смогут оперативно сообщать в штаб о приходе кораблей из Европы. Наличных сил республиканского флота вполне хватало на посылку пары кораблей, которые топили бы испанцев после выхода из порта.

Поэтому, Предсовнаркома поручил наркому индел озаботиться подготовкой разведгрупп для всех крупных портов Новой Испании. Наркому ввудел Мещерский приказал отобрать кандидатов в разведчики из числа пленных испанцев и конвойных туземцев. Наркому образования поручил подготовить кандидатов на должность радистов разведгрупп из туземных подростков, закончивших школу.

Разведгруппа, ушедшая из Санто-Доминго перед атакой эскадры, вернулась в город и вышла на связь. Разведчикам была дана команда прикупить в городе разрушенный трактир и начать его ремонт. Разведчики, заброшенные в Европу, пока не объявлялись.

Оставался открытым вопрос обеспечения разведгрупп радиостанциями, запас радиотелеграфов был полностью исчерпан. Однако, ученые обещали вскоре решить эту проблему.

В комсомольской организации спецзавода кипели страсти. Секретарь организации мамлей Скрипко взбаламутил комсомольцев, апеллируя к трудам основоположников марксизма – ленинизма, и доказывал, что привилегии руководства, как и деление граждан на категории противоречат основным принципам коммунизма:

- Равноправие всех трудящихся граждан;
- Имущественное равенство граждан;

– Во время гражданской войны нарком продовольствия большевик Цурюпа упал в голодный обморок прямо на совещании Совнаркома! Надежда Константиновна Крупская, жена самого Ленина, в одном пальто всю жизнь проходила! А наши начальники по шесть жен и по шесть комнат имеют! А рядовые граждане только по две жены и по две комнаты! – бил себя в грудь Скрипко. – Такие речи находили отклик в сердцах комсомольцев. Аскетизм большевистского руководства в СССР был общеизвестен.*

На общем собрании заводской организации комсомольцы большинством голосов приняли резолюцию с требованием отмены деления граждан республики на категории и отмены привилегий для начальства. Резолюцию разослали по всем комсомольским организациям с предложением обсудить и поддержать. Копию резолюции направили в Политбюро.

Из Сталинграда вернулась эскадра, заправившись топливом «под завязку». трюме На Марти дополнительно заполнили мазутом размещенные в кормовом трюме специально сваренные металлические емкости. Предстоял переход почти на две с четвертью тысячи миль только в один конец. Лишь «классики» могли взять топливо с запасом. Все остальные корабли шли на пределе дальности автономного плавания. Переход до Веракруса должен был занять около трех недель. Загрузили на борт все снаряды и мины, изготовленные заводом. Трюмы заполнили продовольствием. На каботажной линии остались Аврора и Киров, на Варяге ушел к Гренаде нарком индел Зильберман.

Скорость, с которой вели все свои работы камчатцы, весьма впечатлила мастера Хоофта. Назначенный начальником стеклодельного производства камчатец Федор Пудонин, молодой парень лет двадцати, совместно с Хоофтом разработал проект цеха, состоящего из шести участков: стекловарного, посудного, оконного стекла и зеркал, оптического, и еще двух. Это было не просто. Очень трудно было общаться. Хоофт мог сносно изъясняться на немецком. Приданный цеху испанец из пленных матросов кое-как переводил с немецкого на испанский, затем приданный подросток – туземец переводил с испанского на русский, на котором говорили камчатцы.

Для понимания приходилось постоянно рисовать всевозможные планы и схемы. Это было проще, чем объясняться на словах. Впрочем, довольно быстро притерлись. Хоофт на удивление скоро начал воспринимать на слух отдельные русские слова.

Как объяснил мастеру Пудонин, он сам брал на себя снабжение производства всем необходимым, включая сырье, рабочую силу из пленных испанцев и организацию производства. Все технологические вопросы оставались за Хоофтом.

На оптическом участке должны были производиться линзы для очков и еще каких-то «оптических приборов». Вилем сперва не понял, о каких таких приборах идет речь. Пока Федор не принес и не показал ему оптический прибор, именуемый «биноклем». Прибор поразил мастера. Как своими возможностями: он приближал удаленные предметы в восемь раз, делал их вид четче и ярче, так и качеством выделки оптических линз и корпуса. Федор сказал, что примерно такие же бинокли они и будут делать.

На пятом участке планировалось делать те самые яркие лампы, поразившие Вилема еще на корабле. Это показалось мастеру уже чем-то из области волшебства. Но, Федор окончательно добил мастера, сообщив, что на последнем, шестом по счету участке, они будут делать «радиолампы», которые, на самом деле, являются почти волшебными.

Большой бревенчатый корпус, выделенный под стеклодельный цех, разделили перегородками на участки, смонтировали привезенное Хоофтом оборудование. Не прошло и двух недель, как были поставлены стекловарные, стеклоплавильные печи и печи для отжига готовых изделий. Вилем провел первые плавки. Из местного сырья стекло получилось на удивление прозрачным.

Первым заработал посудный участок. На стекловарный, стеклоплавильный и посудный участок Хоофт поставил своих подмастерьев. Участками листового стекла, оптических приборов, электрическими и радиолампами мастер решил заниматься сам.

Привезенными с собой формами начали штамповать тарелки, кружки и стаканы. Пудонин заказал формы для производства колб масляных ламп. Впрочем, камчатцы в лампах жгли не масло, а керосин, который горел гораздо ярче и давал совсем мало копоти.

На оконном участке смонтировали удивительную «паровую машину» и поразительный «прокатный стан». Машина крутила длинный «распределительный» вал, ременный привод от

которого вращал валки прокатного стана. В валки стана запускали разогретую стекольную массу, а выходило из него поразительно гладкое, тонкое и прозрачное «листовое» стекло. После отжига, края стекол обрезали специальными резцами до заданных размеров. А размеры получившихся стекол были просто огромными.

Подобного Вилем не видел никогда. И даже не слышал ни о чем подобном. У себя дома он выдувал стеклянные пузыри, резал их на две части еще не остывшими, затем раскатывал каждую половину ручными валками до плоского состояния. Стекла получались неровными по толщине, да и размер их оставлял желать лучшего.

Впрочем, рисунки прокатного стана были в книгах, имевшихся у Пудонина. Книги тоже поразили мастера. Такого тонкого, четкого и мелкого шрифта ему не приходилось видеть. Рисунки в книгах тоже были высочайшего качества.

Покрыв еще не остывший плоский лист стекла расплавленным оловом, получили великолепное зеркало, не уступавшее, по мнению Хоофта, по качеству изображения лучшим венецианским зеркалам, а по размеру превосходившее все виденные им ранее образцы.

Запустив в работу первые три участка, Вилем полностью доверил их подмастерьям, а сам вместе с Федором взялся за «электрические» лампы. На участке смонтировали изготовленный на спецзаводе «форвакуумный насос» с приводом от распределительного вала. Из радио-лаборатории доставили первые образцы внутренностей ламп с «нитем накаливания» из угля и платины, закрепленные на платиновых «электродах». Вилем по указаниям Пудонина вывел «электроды» ламп сквозь размягченные стеклянные «пятаки», затем лично выдул колбы будущих ламп, обрезал их, вставил «начинку» в колбы и приварил колбы к пяткам с помощью керосиновой горелки. Через специально оставленные «соски» из колб с помощью насоса откачали воздух, создав внутри колб «вакуум».

После подключения ламп медными проводами к «электрической сети» их нити засияли ярким светом. Вилем не верил своим глазам. Он сотворил это чудо своими собственными руками! Конечно, этим самодельным лампам было далеко до имевшихся образцов, виденных мастером еще на корабле. Самодельные лампы не имели цоколя, электроды торчали из колбы наружу, да и сами колбы больше напоминали бутылки на четверть пинты. Но! Лампы светили. А это было главным. Мастер Хоофт был счастлив, как никогда в жизни. Все сомнения, обуравшие мастера весь долгий морской путь исчезли. Оставшись в Голландии, он никогда в жизни не увидел бы ничего подобного.

Пришедший посмотреть на первые, сделанные в республике, электрические лампы Председатель Совнаркома республики, очень хвалил, жал всем причастным руки и пообещал выдать крупную денежную «премию» сверх договорной платы.

Через три недели после запуска стекловарного участка начальник радио-лаборатории лейтенант Соколов доложил Мещерскому, что первая изготовленная радиолампа – диод, успешно прошла испытания на стенде, показав предельную рабочую частоту 6 мегагерц. Вскоре, первый изготовленный триод показал коэффициент усиления по току 28 и максимальную рабочую частоту 4 Мгц. Следующий образец имел рабочую частоту уже 11 Мгц, что позволяло делать коротковолновые радиостанции. Еще одна из важнейших проблем, стоявших перед республикой, была успешно решена. Начинка радиоламп изготовлялась мастером – ювелиром из чистого золота и платины. Осталось только их трофейными изумрудами и рубинами инкрустировать, пошутил Мещерский, принимая работу.

Выйдя на Варяге к уже знакомой туземной деревне на северном берегу Гренады, Зильберман получил у местного вождя согласие на переход племени в подданство республики, выяснил у него расположение деревни Верховного вождя араваков острова и двинулся к ней, прихватив с собой парочку воинов с посланием от местного вождя. Верховный вождь уже был оповещен о прошлом визите Зильбермана, и охотно пошел на переговоры.

Южную часть острова, отделенную отрогами горной цепи, занимало воинственное племя карибов, с которыми араваки постоянно враждовали. Кроме того, на остров за последние годы неоднократно высаживались испанцы, с которыми тоже возникали стычки. Пушки испанских кораблей уже дважды громили туземные деревни. Поэтому, Верховный вождь вполне созрел для переговоров.

Переговоры завершились успешно. Вожди всех четырех аравакских племен острова приняли подданство республики, о чем принесли клятву и подписали договор. Республика обязалась их защищать от испанцев и помогать в войне с карибами. Вождям подарили золоченые доспехи и мечи, выдали сотню комплектов испанского холодного оружия и легких доспехов, две тысячи железных наконечников для стрел и оставили на острове два отделения испанских инструкторов во главе с бойцами – конвойниками Железняковым и Кривко. Согласовали с Верховным вождем Догутемлем место для строительства крепости и города в бухте Сент-Джорджес. Пообещали прислать строителей.

Как обычно, вожди выделили по одной родной дочери для выдачи их замуж за республиканских вождей. Араваки обязались выделить после разгрома карибов пять сотен воинов в туземную гвардию. Поскольку все четыре племени могли выставить 12 сотен воинов, это не сильно ослабляло оборонительный потенциал араваков, тем более, с учетом будущей крепости, которую построят камчатцы. Ну и как повелось, вожди обязались платить регулярную дань республике древесным углем и продуктами. На обучение туземцев владению оружием и тактике боя было выделено четыре недели. На обязательном принятии племенами коммунистической веры Зильберман решил пока не настаивать. Да и выделить в племена комиссаров не было никакой возможности.

Отпраздновав заключение договора пышным празднеством с банкетом, камланием шаманов, битьем в барабаны и плясками, посольство республики отплыло к острову Тобаго.

С племенем карибов, занимающим западную часть острова, заключили договор о васалитете. Вождю выдали комплект парадных доспехов, два десятка мечей, полсотни копий и тысячу железных наконечников для стрел. Этого должно было хватить для разгрома двух других племен, хотя и не давало подавляющего преимущества. Пообещали признать его верховным вождем острова после приведения других племен к покорности. Вождь и шаман племени остались довольны.

Затем Варяг зашел в Сталинград, загрузил две сотни пленных испанцев, и перевез их на Гренаду. Под руководством конвойников пленные приступили к строительству типового лагеря на тысячу военнопленных в бухте Сент-Джорджес. Аврора и Киров попутными рейсами должны были перебросить с Тринидада еще 800 пленных. Воинов – охранников в лагерь выделял Догутемль.

***

Алькальд города Луис де Салинос и начальник гарнизона Веракруса Альваро Пачеко получили приказ Вице-короля о подготовке обороны города и порта против пришельцев. Епископ провинции Педро Вильяфлор получил циркуляр от исполняющего обязанности архиепископа Новой Испании Диего Лейва о назначении крестового похода против безбожных пришельцев и придании их анафеме в каждой проповеди.

Колокола храмов гремели набатом, созывая прихожан на богослужения. Священники всех четырех церквей города с высоты амвонов призывали истинно верующих христианских воинов принять мученическую смерть, но ценой своей жизни поразить посланников дьявола в человеческом облике. Всех вызвавшихся добровольцев епископ лично благословил и направил к начальнику гарнизона. Народ со слезами на глазах возносил молитвы о даровании победы христоролюбивому воинству.

Из добровольцев Альваро Пачеко сформировал, согласно приказу командующего флотом Родриго де Кордива и командующего армией Пабло де Эскобара, команды Христовых

воинов. Из пушкарей формировали расчеты артиллерийских засад. Часть засад планировалось разместить на борту стоящих у причалов кораблей. Из опыта обороны Сан-Хуана было известно, что пришельцы при штурме порта стремились сохранить стоящие у причалов корабли и портовые склады.

Алькальд Луис де Салинос организовал оборудование засад в портовых складах. В стенах зданий пробивались пушечные амбразуры, и закрывались дощатыми щитами, крашенными под цвет стен. За амбразурами устанавливались легкие полевые орудия и пушки, снятые с кораблей.

Альваро Пачеко формировал из пехотинцев, аркебузирова и арбалетчиков команды охотников, предназначенных для захвата пленных. Каждой команде готовилось тайное место среди портовых складов, где они могли бы дожидаться высадки пришельцев, а затем внезапно атаковать их поисковые команды. Поскольку было известно, что в Сан-Хуане пришельцы первым делом отрезали портовый район от города, в подвалах складов готовились потайные помещения, где охотники могли бы отсидеться до темноты после захвата пленных. Ночью они должны будут переправиться через бухту на заранее спрятанных лодках под прикрытием дыма пожара.

Успели подготовить шесть команд охотников по 6 – 7 десятков бойцов и набрать артиллеристов на 11 десятков засадных пушек. Несмотря на призывы священников, большая часть солдат и матросов добровольно идти в смертники не желали. После появления пришельцев они должны были, согласно разработанного плана, демонстративно сбежать с кораблей и покинуть портовый район, чтобы усыпить бдительность пришельцев.

Отступив в кварталы бедняков, которыми пришельцы по опыту Сан-Хуана пренебрегали, войска должны будут привести себя в порядок и под командой офицеров ночью атаковать сухопутные силы пришельцев. Вступив в ближний бой с противником, гарнизон лишит пришельцев возможности использовать их мощную артиллерию. Вся артиллерия, не задействованная в засадах и крепостях, всего двести двадцать стволов, также была оттянута в бедные кварталы.

Само собой, готовились к обороне все четыре городские крепости. Особо – считавшаяся неприступной каменная крепость «Сан-Хуан де Улуа».

10-го апреля в город пришло известие о разгроме пришельцами города и порта Санто-Доминго. Население Веракруса пришло в ужас. Надежда была только на милость Господа да на две с четвертью тысячи миль, отделяющих город от логова пришельцев. Была и хорошая новость. Тактика пришельцев в Санто-Доминго полностью повторяла их тактику в Сан-Хуане. То есть, поймать их в ловушку было вполне реально.

***

За три недели похода эскадра республики пересекла с востока на запад по длинной оси все Карибское море, прошла широким проливом между Кубой и полуостровом Юкатан и вышла на ближние подступы к Веракрусу. При попутных ветрах, даже слабых, парусники шли только под парусами. При встречных – шли экономическим ходом под машинами. Горючку приходилось экономить всем, кроме «классиков». Эскадра застопорила ход вечером 17-го апреля в 20-ти милях от цели похода. С борта Марти спустили гребную шлюпку.

В шлюпке под командой артиллериста старшины Дубинина разместились: радист Ефремов с коротковолновой рацией, двое конвойников с ручным пулеметом и гранатами, двое испанцев – переводчиков и шестеро гребцов – индейцев. Радист и сам понимал по-испански, но говорил плоховато. Экипаж шлюпки поставил съемную мачту, поднял паруса и с попутным ветром двинулся в сторону порта. Разработанный штабом план операции начал выполняться. За шлюпкой на удалении двух миль следовал под парусами лучший ходок парусной эскадры Чапаев, страховавший шлюпку от возможных неприятностей. За ним еще в пяти милях следовала эскадра во главе с Марти.

Тропический рассвет застал шлюпку в двух милях от входа в порт. Из бухты навстречу как раз выходило с десятков рыбацких баркасов.

Разрабатывая план, штаб использовал удачный опыт взятия Сан-Хуана. Тем более, что топография порта Веракрус напоминала топографию Сан-Хуана. Как и в Сан-Хуане, портовая бухта отделялась от моря полуостровом, хотя размеры полуострова и самой бухты был раза в четыре меньше. Полуостров имел длину полтора километра, максимальную ширину три четверти километра, и соединялся с материком перешейком шириной четверть километра. Сама бухта тоже была значительно меньше и имела размеры примерно километр на полкилометра. Пролив шириной 400 метров, в отличие от Сан-Хуана, находился с восточной стороны бухты.

Кроме того, в отличие от Сан-Хуана, город располагался не только на полуострове, но и на материке. Собственно, на полуострове располагались только склады, верфи, часть мастерских и некоторое количество жилых домов ремесленников. Сам город был по площади раза в четыре больше Сан-Хуана, почти в два раза больше Санто-Доминго и широко раскинулся на материке вокруг бухты. Население города, по данным пленных, превышало 30 тысяч человек.

На внешней, морской стороне полуострова испанцы построили три дерево-земляные крепости, такие же, как в Санто-Доминго и Сан-Хуане. А вот на внутренней стороне, обращенной к бухте, по сведениям пленных испанцев, стояла самая мощная крепость Новой Испании – «Сан-Хуан де Улуа». Построенная из прочного камня крепость в плане представляла собой прямоугольник размером почти сто на сто метров. Из толстостенных казематов крепости на бухту и пролив смотрели жерла сотни мощных длинноствольных морских орудий калибром более десяти дюймов. Вся площадь бухты, пролива и материковый берег простреливались этими пушками в упор. От полуострова крепость отделяли искусственно прорытые широкие и глубокие рвы, на которые из крепости глядели полсотни полевых пушек.

Изюминкой обороны порта было то, что любой корабль, появившийся в проливе из-за береговых мысов, оказывался всего лишь в полумиле от крепостных бастионов, в зоне действия огня крепостных орудий. А эти орудия были опасны даже для Марти.

Как только шлюпка поравнялась с баркасами рыбаков, Ефремов дал радиограмму на Марти. Испанцы со шлюпки перекрикнулись парой фраз с рыбаками. Шлюпка продолжила движение в сторону порта. Марти заранее развел пары и сразу дал полный ход. Видимость ясным утром была прекрасной. Уже через четверть часа рыбаки заметили на горизонте надвигающуюся с запада серую громаду корабля. В панике обрезали заброшенные сети и ринулись вслед шлюпке камчатцев. Почти одновременно корабль заметили и из крепости, расположенной на мысу полуострова. В крепости бабахнула сигнальная пушка. Ударили набатом колокола церкви. В городе забегали, как в разворошенном муравейнике.

Рыбаки ударили в бухту так, что весла гнулись и вскоре догнали шлюпку камчатцев. Среди удирающих баркасов шлюпка незамеченной вошла в пролив и прижалась к материковому берегу, не приставая, однако, к причалам. Никто не обращал на нее внимание. Все взоры были обращены на приближающийся железный корабль.

Марти прошел в полутора милях от берега вдоль полуострова, развернулся и, походя, разнес главным калибром все три крепости. Стреляли самодельными снарядами с начинкой черного пороха. Затем вернулся ко входу в пролив, не входя, однако, в него. Из «Сан-Хуан де Улуа» корабль не просматривался. Его закрывал мыс с разгромленной земляной крепостью. Марти бросил якорь в двух милях от берега. С корабля крепость тоже не просматривалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.